Master Negative Storage Number

OCI00049.06

Karamzin, Nikolai

Marfa-Posadnitsa, ili, Pokorenie Nova-goroda

Moskva

1912

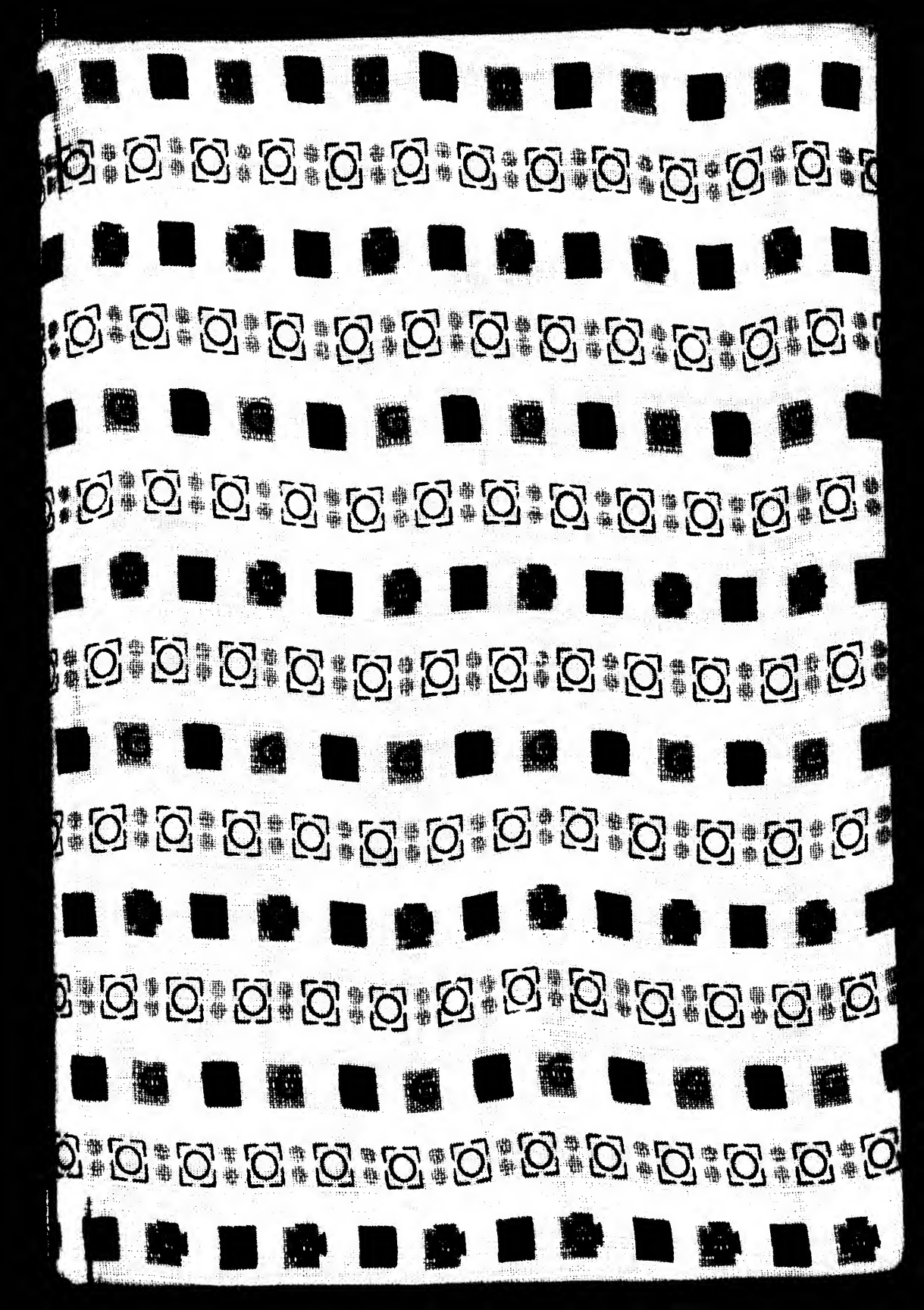
Reel: 49 Title: 6

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00049.06

Control Number: BGL-4929
OCLC Number : 24804633
Call Number : W 381.5917B K143m
Author : Karamzin, Nikolai Mikhailovich, 1766-1826.
Title : Marfa-Posadnitsa, ili, Pokorenie Nova-goroda : istoricheskaia poviest' / N. M. Karamzin.
Imprint : Moskva : T-va I. D. Sytina, 1912.
Format : 96 p. ; 17 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Novgorod (Russia) Fiction.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS



W 381.5917B K143M

Н. М. Карамзинъ.

МАРѲА-ПОСАДНИЦА,

ИЛИ

ПОКОРЕНІЕ НОВА-ГОРОДА.

Историческая повѣсть.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1912.

Н. М. Карамзинъ.

МАРѲА-ПОСАДНИЦА,

или

ПОКОРЕНІЕ НОВА-ГОРОДА.

Историческая повѣсть.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., д. [illegible]
МОСКВА. — 1912.

ВВЕДЕНІЕ.

Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ россійской исторіи — говоритъ издатель этой повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить Новгородскую область къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе новгородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данные имъ отчасти самими великими князьями, напримѣръ, Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было провидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новгороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ мало подробностей этого великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старин-

ный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ, исправивъ только слогъ его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знатныхъ новгородцевъ, переселенныхъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ въ другіе города. Всѣ главныя происшествія согласны съ исторіею. И лѣтопись и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Марѳы Борецкой, этой чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма некстати!) быть Катономъ своей республики.

Кажется, что старинный авторъ этой повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фанатизму Марѳы, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только страстную, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.

I.

Раздался звукъ *вѣчевого колокола*, и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Отцы семействъ вырываются изъ объятій супругъ и дѣтей, чтобы спѣшить, куда зоветъ ихъ отечество. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на Великую площадь. Всѣ спрашиваютъ; никто не отвѣтствуетъ... Тамъ, противъ древняго дома Ярослава, уже собрались посадники съ золотыми на груди медалями, тысяцкіе съ высокими жезлами, бояре, люди житые со знаменами и старосты всѣхъ пяти концовъ новгородскихъ[1]) съ серебряными сѣкирами. Но еще не видно никого на лобномъ мѣстѣ, или Вадимовомъ (гдѣ возвышался мраморный образъ сего витязя). Народъ крикомъ

---

[1]) Такъ назывались части города: конецъ Неровскій, Гончарскій, Славянскій, Загородскій и Плотницкій.

своимъ заглушаетъ звонъ колокола и требуетъ открытія вѣча. Іосифъ Дѣлинскій,—именитый гражданинъ, бывшій семь разъ *степеннымъ посадникомъ*, и всякій разъ съ новыми услугами отечеству, съ новою честію для своего имени,—всходитъ на желѣзныя ступени, открываетъ сѣдую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что князь московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего боярина, который желаетъ всенародно объявить его требованія... Посадникъ сходитъ, и бояринъ Іоанновъ является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, въ воинской одеждѣ и препоясанный мечомъ. То былъ воевода князь Холмскій, мужъ благоразумный и твердый, правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ, храбрый въ битвахъ, велерѣчивый въ совѣтѣ. Всѣ безмолвствуютъ. Бояринъ хочетъ говорить, но юные, надменные новгородцы восклицаютъ: «Смирись предъ великимъ народомъ!» Онъ медлитъ; тысячи голосовъ повторяютъ: «Смирись предъ великимъ народомъ!» Бояринъ снимаетъ шлемъ съ головы своей, и шумъ умолкаетъ.

— Граждане новгородскіе! — вѣщаетъ сила. — Князь московскій и всея Россіи говорить съ вами. Внимайте!

«Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной. Ваши предки хотѣли править сами собою и были жертвою лютыхъ сосѣдовъ или еще лютѣйшихъ внутреннихъ междоусобій. Добродѣтельный старецъ, стоя на порогѣ вѣчности, заклиналъ ихъ избрать владѣтеля. Они повѣрили ему: ибо человѣкъ при дверяхъ гроба можетъ говорить только истину.

«Граждане новгородскіе! въ стѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, прославилось самодержавіе земли русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ творилъ судъ и правду, на семъ мѣстѣ древніе новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирилъ внутреннія раздоры, успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На семъ мѣстѣ они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единаго. Прежде ужасные только для самихъ себя и несчастные въ глазахъ сосѣдовъ новгородцы, подъ державною рукою варяжскаго героя, сдѣлались ужасомъ и за-

вистію другихъ народовъ; и когда Олегъ храбрый двинулся съ воинствомъ къ предѣламъ юга, всѣ славянскія племена покорялись ему съ радостію, и предки ваши, товарищи его славы, едва вѣрили своему величію.

«Олегъ, слѣдуя за теченіемъ Днѣпра, возлюбилъ красные берега его и въ благословенной кіевской странѣ основалъ столицу своего обширнаго государства; но Великій Новгородъ былъ всегда десницею князей великихъ, когда они славили дѣлами имя русское. Олегъ подъ щитомъ новгородцевъ прибилъ щитъ свой къ вратамъ цареградскимъ. Святославъ съ дружиною новгородскою развѣялъ, какъ прахъ, воинство Цимисхія, и внукъ Ольгинъ съ вашими предками былъ прозванъ владѣтелемъ міра.

«Граждане новгородскіе! не только воинскою славою обязаны вы государямъ русскимъ: если глаза мои, обращаясь на всѣ концы вашего града, видятъ повсюду златые кресты великолѣпныхъ храмовъ святой вѣры, если шумъ Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій день, въ который знаки идолослуженія погибли съ шумомъ въ быстрыхъ волнахъ его, то вспомните,

что Владимиръ соорудилъ здѣсь первый храмъ истинному Богу; Владимиръ низвергъ Перуна въ пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны въ Новгородѣ, то скажите, чья рука оградила ихъ безопасностію?.. Здѣсь (указывая на домъ Ярослава), здѣсь жилъ мудрый законодатель, благотворитель вашихъ предковъ князь великодушный, другъ ихъ, котораго называли они вторымъ Рюрикомъ!.. Неблагодарное потомство, внимай справедливымъ укоризнамъ!

«Новгородцы, бывъ всегда старшими сынами Россіи, вдругъ отдѣлились отъ братій своихъ, бывъ вѣрными подданными князей, нынѣ смѣются надъ ихъ властью... И въ какія времена? О, стыдъ имени русскаго! Родство и дружба познаются въ напастяхъ; любовь къ отечеству также... Богъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ наказать землю русскую. Явились безчисленные варвары, пришельцы отъ странъ, никому неизвѣстныхъ [1]), подобные симъ тучамъ насѣкомыхъ, которыя небо гнѣвъ своемъ гонитъ бурею на жатву грѣшника. Храбрые славяне, изумленные

[1]) Такъ думали въ Россіи о татарахъ.

ихъ явленіемъ, сражаются и гибнутъ; земля русская обагряется кровію русскихъ; города и села пылаютъ, гремятъ цѣпи на дѣвахъ и на стардахъ... Что жъ дѣлаютъ новгородцы? Спѣшатъ ли на помощь къ братьямъ своимъ?.. Нѣтъ. Пользуясь своимъ удаленіемъ отъ мѣстъ кровопролитія, пользуясь общимъ бѣдствіемъ князей, отнимаютъ у нихъ законную власть, держатъ ихъ въ стѣнахъ своихъ, какъ въ темницѣ, изгоняютъ, призывая другихъ, и снова изгоняютъ. Государи новгородскіе, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадниковъ и трепетать вѣчевого колокола, какъ трубы страшнаго суда. Наконецъ никто уже не хотѣлъ быть княземъ вашимъ, рабомъ мятежнаго вѣча... Наконецъ русскіе и новгородцы не узнаютъ другъ друга!

«Отчего же такая перемѣна въ сердцахъ вашихъ? Какъ древнее племя славянское могло забыть кровь свою?.. Корыстолюбіе, корыстолюбіе ослѣпило васъ! Русскіе гибнутъ, новгородцы богатѣютъ. Въ Москву, въ Кіевъ, во Владимиръ привозятъ трупы христіанскихъ витязей, убіенныхъ невѣрными, и народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, съ воплемъ встрѣчаетъ ихъ; въ Нов-

городъ привозятъ чужеземные товары, и народъ съ радостными восклицаніями привѣтствуетъ иностранныхъ гостей [1]). Русскіе считаютъ язвы свои, новгородцы считаютъ златыя монеты. Русскіе — въ узахъ, новгородцы славятъ вольность свою.

«Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народы! я говорю съ тобою. Честолюбивые бояре, уничтоживъ власть государей, сами овладѣли ею. Вы повинуетесь, ибо народъ долженъ всегда повиноваться, но только не священной крови Рюрика, а богатымъ купцамъ. О стыдъ! Потомки славянъ цѣнятъ златомъ права властителей! Роды княжескіе издревле именитые, возвысились дѣлами храбрости и славы: ваши посадники, тысяцкіе, люди житые обязаны своимъ достоинствомъ благопріятному вѣтру и хитростямъ корыстолюбія. Привыкшіе къ выгодамъ торговли, торгуютъ и благомъ народа; кто имъ обѣщаетъ злато, тому они васъ обѣщаютъ. Такъ, извѣстны князю московскому ихъ дружественныя, тайныя связи съ Литвою и Казимиромъ. Скоро, скоро вы соберетесь на звукъ вѣчевого колокола, и надменный полякъ ска-

1) То-есть купцовъ.

жеть вамъ на лобномъ мѣстѣ: «Вы — рабы мои!..» Но Богъ и великій Іоаннъ еще о васъ пекутся.

«Новогородцы! земля русская воскресаетъ. Іоаннъ возбудилъ отъ сна древнее мужество славянъ, ободрилъ унылое воинство, и берега Камы были свидѣтелями побѣдъ нашихъ. Дуга мира и завѣта возсіяла надъ могилами князей Георгія, Андрея, Михаила. Небо примирилось съ нами, и мечи татарскіе иступились. Настало время мести, время славы и торжества христіанскаго. Еще ударъ послѣдній не совершился; но Іоаннъ, избранный Богомъ, не опуститъ державной руки своей, доколѣ не сокрушитъ враговъ и не смѣшаетъ ихъ праха земною перстью. Дмитрій, поразивъ Мамая, не освободилъ Россіи: Іоаннъ все предвидитъ, и, зная, что раздѣленіе государства было виною бѣдствій его, онъ уже соединилъ всѣ княжества своею державою и признанъ властелиномъ земли русской. Дѣти отечества, послѣ горестной, долговременной разлуки, объемляются съ веселіемъ предъ очами государя и мудраго отца ихъ.

«Но радость его не будетъ совершенна, доколѣ Новгородъ, древній Великій Новгородъ, не возвратится подъ сѣнь отече-

ства. Вы оскорбляли его предковъ: онъ все забываетъ, если покоритесь ему. Іоаннъ, достойный владѣть міромъ, желаетъ только быть государемъ новгородскимъ!.. Вспомните, когда онъ былъ мирнымъ гостемъ посреди васъ; вспомните, какъ вы удивлялись его величію, когда онъ, окруженный своими вельможами, шелъ по стогнамъ Новгорода въ домъ Ярославовъ; вспомните, съ какимъ благоволеніемъ, съ какою мудростью онъ бесѣдовалъ съ вашими боярами о древностяхъ новгородскихъ, сидя на поставленномъ для него тронѣ близъ мѣста Рюрикова, откуда взоръ его обнималъ всѣ концы града и веселыя окрестности; вспомните, какъ вы единодушно восклицали: «Да здравствуетъ князь московскій, великій и мудрый!» Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ совершенно освободить Россію отъ ига варваровъ? Тогда Новгородъ еще болѣе украсится и возвеличится въ мірѣ. Вы будете первыми сынами Россіи; здѣсь Іоаннъ поставитъ тронъ свой и воскреситъ счастливыя времена, когда не шумное вѣче, но Рюрикъ и Ярославъ судили васъ, какъ отцы дѣтей ходили по стогнамъ и вопроша-

ли бѣдныхъ, не угнетаютъ ли ихъ богатые? Тогда бѣдные и богатые равно будутъ счастливы, ибо всѣ подданные равны предъ лицомъ владыки самодержавнаго.

«Народъ и граждане! да властвуетъ Іоаннъ въ Новгородѣ, какъ онъ властвуетъ въ Москвѣ, или—внимайте его послѣднему слову—храброе воинство, готовое сокрушить татаръ, въ грозномъ ополченіи явится прежде глазамъ вашимъ, да усмиритъ мятежниковъ!.. Миръ или война? Отвѣтствуйте!

Съ симъ словомъ бояринъ Іоанновъ надѣлъ шлемъ и сошелъ съ лобнаго мѣста.

Еще продолжается молчаніе. Чиновники и граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблются народныя толпы, и громко раздаются восклицанія:

— Марѳа, Марѳа!

Она тихо и величаво всходитъ на желѣзныя ступени, взираетъ на безчисленное собраніе гражданъ и безмолвствуетъ... Важность и скорбь видны на блѣдномъ лицѣ ея. Но скоро осѣненный горестью взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія, блѣдное лицо покрылось румянцемъ, и Марѳа вѣщала:

— Вадимъ! Вадимъ! Здѣсь лилась священная кровь твоя; здѣсь призываю небо и тебя во свидѣтели, что сердце мое любитъ славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому, и готова запечатлѣть ее моею кровью. Жена дерзаетъ говорить на вѣчѣ, но предки мои были друзья Вадимовы; я родилась въ воинскомъ станѣ подъ звукомъ оружія; отецъ, супругъ мой погибли, сражаясь за Новгородъ. Вотъ право мое быть защитницею вольности! Оно куплено цѣною моего счастья...

— Говори, славная дочь Новгорода! — воскликнулъ единогласно народъ, и глубокое безмолвіе снова изъявило его вниманіе.

— Потомки великодушныхъ славянъ! Васъ называютъ мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли изъ гроба славу ихъ? Они были свободны, когда текли съ востока на западъ избрать себѣ жилище во вселенной, свободны, подобно орламъ, паришимъ надъ ихъ головою въ обширныхъ пустыняхъ древняго міра... Они утвердились на красныхъ берегахъ Ильменя и все еще служили одному Богу. Когда великая имперія[1]),

[1]) Римская.

какъ ветхое зданіе, сокрушилась подъ сильными ударами дикихъ героевъ Сѣвера; когда готы, вандалы, эрулы и другія племена скиѳскія искали вездѣ добычи, жили убійствами и грабежомъ,—тогда славяне имѣли уже селенія и города, обрабатывали землю, наслаждались пріятными искусствами мирной жизни, но все еще любили независимость. Подъ сѣнію древа чувствительный славянинъ игралъ на струнахъ изобрѣтеннаго имъ мусикійскаго орудія[1]), но мечъ его висѣлъ на вѣтвяхъ, готовый наказать хищника и тирана. Когда Баянъ, князь аварскій, страшный для императоровъ Греціи, потребовалъ, чтобы славяне ему подалися, они гордо и спокойно отвѣтствовали: «Никто во вселенной не можетъ поработить насъ, доколѣ не выйдутъ изъ употребленія мечи и стрѣлы!..»[2]). О, великія воспоминанія древности! Вы ли должны склонять насъ къ рабству и къ узамъ?

«Правда, съ теченіемъ времени родились въ душахъ новыя страсти; древніе спасительные обычаи забывались, и неопытная юность презирала мудрые совѣты стар-

---

[1]) См. византійскихъ историковъ — Ѳеофилакта и Ѳесфана.

[2]) См. Менандра.

цевъ,—тогда славяне призвали къ себѣ знаменитыхъ храбростью варяжскихъ князей, да повелѣваютъ юнымъ мятежнымъ воинствомъ. Но когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и храбрый Вадимъ звалъ его предъ судъ народа. «Мечъ и Богъ да будутъ нашими судьями!» отвѣтствовали Рюрику—и Вадимъ палъ отъ руки его, сказавъ: «Новгородцы! на мѣсто, обагренное моею кровью, приходите оплакивать свое неразуміе и славить вольность, когда она снова явится съ торжествомъ въ стѣнахъ вашихъ». Исполнилось желаніе великаго мужа, народъ собирается на священной могилѣ его свободно и независимо рѣшить судьбу свою.

«Такъ, кончина Рюрика,—да отдадимъ справедливость этому знаменитому витязю,—мудраго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу новгородскую. Народъ, изумленный его величіемъ, невольно и смиренно повиновался, но скоро, не видя уже героя, пробудился отъ глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многократно его упорную непреклонность, удалился отъ Новгорода съ воинствомъ храбрыхъ варяговъ и славянскихъ юношей искать побѣды, данни-

ковъ и рабовъ между другими скиѳскими, менѣе отважными и гордыми племенами. Съ того времени Новгородъ признавалъ въ князьяхъ своихъ единственно полководцевъ и военачальниковъ: народъ избиралъ власти гражданскія и, повинуясь имъ, повиновался уставу воли своей. Въ кіевлянахъ и другихъ россіянахъ отцы наши любили славянскую кровь, служили имъ, какъ друзьямъ и братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ юность свою Владиміръ; здѣсь, среди примѣровъ великодушнаго народа, образовался великій духъ его; здѣсь мудрая бесѣда нашихъ старцевъ возбудила въ немъ желаніе вопросить всѣ земные народы о таинствахъ вѣры ихъ, да откроется истина ко благу людей; и когда, убѣжденный въ святости христіанства, онъ принялъ его отъ грековъ, новгородцы, разумнѣе другихъ славянскихъ племенъ, изъявили и болѣе ревности къ новой, истинной вѣрѣ. Имя Владиміра священно въ Новгородѣ; священна и любезна память Ярослава, ибо онъ первый изъ русскихъ князей утвердилъ законы и вольность великаго града. Пусть дерзость называетъ отцовъ нашихъ неблагодарными

за то, что они отражали властолюбивыя предпріятія его потомковъ! Духъ Ярославовъ оскорбился бы въ небесныхъ селеніяхъ, если бы мы не умѣли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ его именемъ. Онъ любилъ новгородцевъ, ибо они были свободны; ихъ признательность радовала его сердце, ибо только свободныя души могутъ быть признательными: рабы повинуются и ненавидятъ! Нѣтъ, благодарность наша торжествуетъ, доколѣ народъ, во имя отечества, собирается предъ домомъ Ярослава и, смотря на эти древнія стѣны, говоритъ съ любовью: «Тамъ жилъ другъ нашъ!»

«Князь московскій укоряетъ тебя, Новгородъ, самымъ твоимъ благоденствіемъ, и въ этой винѣ не можемъ оправдаться! Такъ, конечно, области новгородскія цвѣтутъ, поля златятся колосьями, житницы полны, богатства льются къ намъ рѣкою; великая «Ганза»[1]), гордится нашимъ союзомъ; чужеземные гости ищутъ дружбы нашей; удивляются славѣ великаго града, красотѣ его зданій, общему избытку гражданъ и, возвратясь въ свою страну, гово-

[1]) Союзъ вольныхъ нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои конторы въ Новгородѣ.

рять: «Мы видѣли Новгородъ и ничего подобнаго ему не видали!» Такъ, конечно: Россія бѣдствуетъ, ея земли обагряются кровью, веси и грады опустѣли, люди укрываются въ лѣсахъ, какъ звѣри, отецъ ищетъ дѣтей и не находитъ; вдовы и сироты просятъ милостыни на распутіяхъ. Такъ, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законамъ своего блага, дерзнули не участвовать въ междоусобіяхъ князей, дерзнули спасти русское имя отъ стыда и поношенія, не принять татарскихъ оковъ и сохранить драгоцѣнное достоинство народное.

«Не мы, о, россіяне, несчастные, но всегда любезные намъ братья! Не мы, но вы насъ оставили, когда пали на колѣни предъ гордымъ ханомъ и требовали цѣпей для спасенія поносной жизни; когда свирѣпый Батый, видя свободу единаго Новгорода, какъ яростный левъ устремился растерзать его смѣлыхъ гражданъ; когда отцы наши, готовясь къ славной битвѣ, острили мечи на стѣнахъ своихъ безъ робости, ибо знали, что умрутъ, а не будутъ рабами!.. Напрасно съ высоты башенъ взоръ ихъ искалъ вдали дружественныхъ русскихъ легіоновъ въ надеждѣ, что вы

захотите въ послѣдній разъ и въ послѣдней оградѣ русской вольности еще сразиться съ невѣрными! Однѣ робкія толпы бѣглецовъ являлись на путяхъ Новгорода; не стукъ оружія, а вопль малодушнаго отчаянія былъ вѣстникомъ ихъ приближенія; они требовали не стрѣлъ и мечей, а хлѣба и крова!.. Но Батый, видя отважность свободныхъ людей, предпочелъ безопасность свою злобному удовольствію мести. Онъ спѣшилъ удалиться!.. Напрасно граждане новгородскіе молили князей воспользоваться такимъ примѣромъ и общими силами, съ именемъ Бога русскаго, ударить на варваровъ; князья платили дань и ходили въ татарскій станъ обвинять другъ друга въ замыслахъ противъ Батыя, великодушіе сдѣлалось предметомъ доносовъ, къ несчастію, ложныхъ!.. И если имя побѣды въ теченіе двухъ столѣтій еще сохранилось на славянскомъ языкѣ, то не громъ ли новгородскаго оружія напоминалъ его русской землѣ? Не отцы ли наши разили еще враговъ на берегахъ Невы? Горестное воспоминаніе! Этотъ добродѣтельный витязь, драгоцѣнный остатокъ древняго геройства варяжскихъ князей, заслуживъ безсмертное имя съ вѣрною новгородскою

дружиною, храбрый и счастливый между нами, оставилъ здѣсь и славу и счастіе, когда предпочелъ имя великаго князя Россіи имени новгородскаго полководца: не величіе, но униженіе и горесть ожидали Александра во Владимирѣ,—и тотъ, кто на берегахъ Невы давалъ законы храбрымъ литовскимъ рыцарямъ, долженъ былъ упасть къ ногамъ Сартака.

«Іоаннъ желаетъ повелѣвать великимъ градомъ: не удивительно, онъ собственными глазами видѣлъ славу и богатства его. Но всѣ народы земные и будущія столѣтія не перестали бы дивиться, если бы мы захотѣли ему повиноваться. Какими надеждами онъ можетъ обольстить насъ? Одни несчастные легковѣрны, одни несчастные желаютъ перемѣнъ, но мы благоденствуемъ и свободны! Благоденствуемъ оттого, что свободны! Да молитъ Іоаннъ Небо, чтобы Оно во гнѣвѣ своемъ ослѣпило насъ; тогда Новгородъ можетъ возненавидѣть счастіе и пожелать гибели; но доколѣ видимъ славу свою и бѣдствіе княжествъ русскихъ, доколѣ гордимся ею и жалѣемъ о нихъ, дотолѣ права новгородскія всего святѣе намъ по Богѣ.

«Я не дерзну оправдывать васъ, мужи, избранные общею довѣренностію для правленія! Клевета въ устахъ властолюбія и зависти недостойна опроверженія. Гдѣ страна цвѣтетъ и народъ ликуетъ, тамъ правители мудры и добродѣтельны. Какъ! вы торгуете благомъ народнымъ? Но могутъ ли всѣ сокровища міра замѣнить вамъ любовь вольныхъ сограждан? Кто узналъ ея сладость, тому чего желать въ мірѣ? Развѣ послѣдняго счастія—умереть за отечество?

«Несправедливость и властолюбіе Іоанна не затмеваютъ въ глазахъ нашихъ его похвальныхъ свойствъ и добродѣтелей. Давно уже народная молва извѣстила насъ объ его величіи, и люди вольные желали имѣть гостемъ самовластителя; искреннія сердца ихъ свободно изливались въ радостныхъ восклицаніяхъ при его торжественномъ въѣздѣ. Но знаки нашего усердія, конечно, обманули московскаго князя; мы хотѣли изъявить ему пріятную надежду, что рука его свергнетъ съ Россіи татарское иго; онъ вакумалъ, что мы требуемъ отъ него уничтоженія нашей собственной вольности. Нѣтъ! Нѣтъ! Да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Новгородъ!

Да славится князь московскій истребленіемъ враговъ христіанства, а не друзей и не братій земли русской, которыми она еще славится въ мірѣ, да прерветъ оковы ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ новгородцевъ. Еще Ахматъ дерзаетъ называть его своимъ данникомъ: да идетъ Іоаннъ противъ монгольскихъ варваровъ, и вѣрная дружина наша откроетъ ему путь къ Ахматову стану! Когда же сокрушитъ врага, тогда мы скажемъ ему: «Іоаннъ! ты возвратилъ русской землѣ честь и свободу, которыхъ мы никогда не теряли. Владѣй сокровищами, найденными тобою въ татарскомъ станѣ: они были собраны съ твоей земли; на нихъ нѣтъ клейма новгородскаго; мы не платили дани ни Батыю ни потомкамъ его! Царствуй съ мудростію и славою;залѣчи глубокія язвы Россіи, сдѣлай своихъ подданныхъ, а нашихъ братій счастливыми,—и если когда-нибудь соединенныя твои княжества превзойдутъ славою Новгородъ, если мы позавидуемъ благоденствію твоего народа, если Всевышній накажетъ насъ раздорами, униженіемъ, тогда—клянемся именемъ отечества и свободы!—тогда придемъ не въ столицу польскую, но въ царственный градъ Мо-

скву, какъ нѣкогда древніе новгородцы пришли къ храброму Рюрику, и скажемъ не Казимиру, но тебѣ: «Владѣй нами, мы уже не умѣемъ править собой!»

«Ты содрогаешься, о, народъ великодушный!.. Да идетъ мимо насъ этотъ печальный жребій! Будь всегда достоинъ свободы, и будешь всегда свободенъ. Небеса правосудны и ввергаютъ въ рабство одни порочные народы. Не страшись угрозъ Іоанновыхъ, когда сердце твое пылаетъ любовью къ отечеству и къ святымъ уставамъ его, когда можешь умереть за честь своихъ предковъ и за благо потомства!

«Но если Іоаннъ говоритъ истину, если въ самомъ дѣлѣ гнусное корыстолюбіе овладѣло душами новгородцевъ, если мы любимъ сокровища, и нѣтъ болѣе добродѣтели и славы, то скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и вѣчевой колоколъ, древній гласъ ея, падетъ съ Ярославовой башни и навсегда умолкнетъ!.. Тогда, тогда мы позавидуемъ счастію народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь будетъ являться намъ, подобно блѣдному мертвецу, и терзать сердца наши безполезнымъ раскаяніемъ!

«Но, зная, о, Новгородъ, что съ утратою вольности изсохнетъ и самый источникъ твоего богатства, она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окрыляетъ новгородскія суда, когда они съ богатымъ грузомъ несутся по волнамъ... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдія отцовъ своихъ. Померкнетъ слава твоя, градъ великій, опустѣютъ многолюдные *концы* твои; широкія улицы зарастутъ травою, и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ горестно задумается и скажетъ только: «Здѣсь былъ Новгородъ».

Тутъ страшный вопль народа не далъ уже говорить посадницѣ. «Нѣтъ, нѣтъ, мы всѣ умремъ за отечество!—восклицаютъ безчисленные голоса. — Новгородъ—государь нашъ, да явится Іоаннъ съ воинствомъ!» Марѳа, стоя на Вадимовомъ мѣстѣ, весе-

лится дѣйствіемъ ея рѣчи. Чтобы еще болѣе воспалить умы, она показываетъ дѣнь, гремитъ ею въ рукѣ своей и бросаетъ на землю; народъ въ изступленіи гнѣва попираетъ оковы ногами, взывая: «Новгородъ — государь нашъ, война, война Іоанну!» Напрасно московскій посолъ желаетъ еще говорить именемъ великаго князя и требуетъ вниманія: дерзкіе подъемлютъ на него руку, и Марѳа должна защитить боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечъ, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа и, возвысивъ свой голосъ, произноситъ съ душевною скорбію: «Итакъ, да будетъ война между великимъ княземъ Іоанномъ и гражданами новгородскими, да возвратятся клятвенныя грамоты[1])! Богъ да судитъ вѣроломныхъ!» Марѳа вручаетъ посту Іоаннову грамоту и принимаетъ новгородскую. Она даетъ ему стражу и знамя мира. Народныя толпы разступаются предъ нимъ. Боярин выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его московская дружина... Марѳа слѣдуетъ за нимъ своимъ взоромъ, опершись на Вадимовъ образъ. Іоанновъ посолъ са-

1) Клятвенными грамотами назывались дружественные трактаты. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихъ.

дится на коня и еще съ горестью взираетъ на Новгородъ. Желѣзные запоры стучатъ на городскихъ воротахъ, а бояринъ тихо ѣдетъ по московской дорогѣ, провожаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марѳа вздохнула свободно. Видя ужасный мятежъ народа (который, подобно бурнымъ волнамъ, стремился по стогнамъ и безпрестанно восклицалъ: «Новгородъ—государь нашъ! Смерть врагамъ его!»), внимая грозному набату, который гремѣлъ во всѣхъ пяти концахъ города (въ знакъ объявленія войны), эта величавая жена подъемлетъ руки къ небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. «О, тѣнь моего супруга!—тихо вѣщаетъ она съ умиленіемъ.—Я исполнила клятву свою! Жребій брошенъ: да будетъ, что угодно судьбѣ!..» Она сходитъ съ Вадимова мѣста.

Вдругъ раздается трескъ и громъ на Великой площади... земля колеблется подъ ногами; набатъ и народный шумъ умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ отъ глазъ домъ Ярослава и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ, наконецъ, густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая Ярсла-

вова башня, новое гордое зданіе народнаго богатства, пала съ вѣчевымъ колоколомъ и дымится въ своихъ развалинахъ[1])... Пораженные этимъ явленіемъ, граждане безмолвствуютъ... Скоро тишина прерывается голосомъ, внятнымъ, но подобнымъ глухому стону, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: «О Новгородъ! такъ падетъ слава твоя, такъ исчезнетъ твое величіе!..» Сердца ужаснулись; взоры устремились на одно мѣсто; но слѣдъ голоса исчезъ въ воздухѣ вмѣстѣ со словами; напрасно искали, напрасно хотѣли знать, кто произнесъ ихъ. Всѣ говорили: «Мы слышали!» никто не могъ сказать—отъ кого.

Именитые чиновники, устрашенные народнымъ впечатлѣніемъ болѣе, нежели самымъ происшествіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и старались успокоить гражданъ. Народъ требовалъ мудрой, великодушной, смѣлой Марѳы: посланные нигдѣ не могли найти ея.

Между тѣмъ настала бурная ночь. Засвѣтились факелы; сильный вѣтеръ безпрестанно задувалъ ихъ; то и дѣло нужно было приносить огонь изъ сосѣднихъ до-

---

[1]) Лѣтописи наши говорятъ о паденіи новой колокольни и ужасѣ народа.

мовъ. Но тысяцкіе и бояре ревностно трудились съ гражданами: отрыли вѣчевой колоколъ и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышать священный и любезный звонъ его,—услышалъ и казался покойнымъ. Степенный посадникъ распустилъ вѣче. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площади и на улицахъ говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены новгородскія съ безпокойнымъ любопытствомъ ожидали отцовъ, супруговъ и дѣтей) одинъ за другимъ погасли.

II.

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый отшельникъ Ѳеодосій, дѣдъ Марѳы-посадницы, нѣкогда знатнѣйшій изъ новгородскихъ бояръ. Онъ семьдесять лѣтъ служилъ отечеству мечомъ, совѣтомъ, добродѣтелью и, наконецъ, захотѣлъ служить единому Богу въ тишинѣ пустыни; торжественно простился съ народомъ на вѣчѣ, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную его новгородскую вѣрность, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Златая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходить къ нему Марѳа побесѣдовать съ нимъ о судьбѣ Новгорода или о радостяхъ и пе-

чаляхъ ея сердца. Сошедши съ Вадимова мѣста при звукѣ набата, она спѣшила къ нему съ юнымъ Мирославомъ [1]) и нашла его стоящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижиною: онъ совершалъ вечернее моленіе.

— Молись, добродѣтельный старецъ!— сказала она.—Буря угрожаетъ отечеству.

— Знаю! — отвѣтствовалъ пустынникъ и съ горестію указалъ рукою на небо [2]).

Густая туча висѣла и волновалась надъ Новгородомъ, изъ глубины ея сверкала красная молнія и вылетали огненные шары. Плотоядные вороны станицами парили надъ златыми крестами храмовъ, какъ будто бы въ ожиданіи скорой добычи. Между тѣмъ лютые звѣри страшно выли во мракѣ лѣса, и древнія сосны, ударяясь вѣтвями одна о другую, трещали на своихъ корняхъ.

Марѳа твердымъ голосомъ сказала пустыннику:

— Когда бы запылало все небо, и земля восколебалась, какъ море, подъ моими

---

[1]) Въ Новгородѣ было еще обыкновеніе называться древними славянскими именами. Такъ, напримѣръ, лѣтописи сохранили намъ имя Ратмира, одного изъ товарищей Александра Невскаго.

[2]) Въ старину хотѣли всегда читать на небѣ предстоящую гибель людей.

ногами, и тогда бы сердце мое не устрашилось; если Новгороду должно погибнуть, то могу ли думать о жизни своей?

Она извѣстила его о происшествіи.

Ѳеодосій обнялъ ее съ горестью.

— Великая дочь моего сына!—вѣщалъ онъ съ умиленіемъ.—Послѣдняя отрасль нашего славнаго рода! Въ тебѣ пылаетъ кровь Молинскихъ; она не совсѣмъ охладѣла и въ моемъ сердцѣ, изнуренномъ лѣтами; посвятивъ его Небу, еще люблю славу и вольность Новгорода... Но слабая рука человѣческая отведетъ ли сокрушительные удары Всевышней Десницы? Душа моя содрогается: я предвижу бѣдствія...

— Судьба людей и народовъ есть тайна Провидѣнія,—отвѣтствуетъ Марѳа,— но дѣла зависятъ единственно отъ насъ, и этого довольно. Сердца гражданъ въ рукѣ моей, они не покорятся Іоанну, и душа моя торжествуетъ! Самая опасность веселитъ ее... Чтобы не укорять себя въ будущемъ, нужно только дѣйствовать благоразумно въ настоящемъ, избирать лучшее и спокойно ожидать слѣдствія... Многочисленное воинство соберется, готовое отразить врага; но должно поручить его

вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій[1]) во гробѣ; въ сынахъ моихъ нѣтъ воинскаго духа, я воспитала ихъ усердными гражданами; они могутъ умереть за отечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца то пламенное геройство, которое повелѣваетъ рокомъ въ день битвы.

— Развѣ мало славныхъ витязей въ Новгородѣ? — сказалъ Ѳеодосій. — Ужасъ Ливоніи, Георгій Смѣлый...

— Переселился къ отцамъ своимъ.

— Побѣдитель Витовта, Владиміръ Знаменитый...

— Отъ старости мечъ выпадаетъ изъ рукъ его.

— Михаилъ Храбрый...

— Онъ врагъ Іосифа Дѣлинскаго и Борецкихъ. Можетъ ли быть онъ другомъ отечества?

— Димитрій Сильный...

— Сильна рука его, но сердце коварно: онъ встрѣтилъ за городомъ посла Іоаннова и тайно говорилъ съ нимъ.

— Кто же будетъ главою войска и щитомъ Новгорода?

— Сей юноша! — отвѣтствовала посадница, указавъ на Мирослава.

---

1) Мужъ ея.

Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей: вечерняя заря и блескъ молніи освѣщали величественную красоту его.

Ѳеодосій съ удивленіемъ смотрѣлъ на юношу.

— Никто не знаетъ его родителей,— говоритъ Марѳа.—Онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ ступеняхъ Вадимова мѣста и воспитанъ въ училищѣ Ярослава [1]; рано удивлялъ старцевъ своею мудростью на вѣчахъ, а витязей—храбростью въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его объятіяхъ. Всякій разъ, когда я встрѣчалась съ нимъ на стогнахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно слѣдовалъ за нимъ. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ—великодушныхъ. Ихъ именемъ ставлю юношу на степень величія, ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, что для меня драгоцѣннѣе на свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери. Тотъ, кто опаснымъ и великимъ саномъ вождя обратитъ на себя всѣ стрѣлы и копья самовластія, раздраженнаго мною, не долженъ быть чу-

---

[1]) Такъ называлось всегда главное училище въ Новгородѣ, говоритъ авторъ. *Н. М. Карамзинъ.*

ждымъ роду Борецкихъ и крови моей... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертью оправдать меня въ глазахъ сограждан и потомства. Благослови, святой и добродѣтельный мужъ, волю нѣжной матери, которая болѣе Ксеніи любитъ одно отечество! Союзъ этотъ достоинъ твоей правнучки: онъ заключается въ рѣшительный день для Новгорода и соединяетъ ея жребій съ его жребіемъ. Супругъ Ксеніи есть или будущій спаситель отечества или обреченная жертва свободы!

Ѳеодосій обняла юношу, называя его своимъ сыномъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Старецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечъ, висѣвшій на стѣнѣ, и, вручая его Мирославу, сказалъ:

— Вотъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ отшельника! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но отдаю тебѣ. Ратмиръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ златыми буквами слова: «Никогда врагу не достанется»...

Мирославъ взялъ этотъ древній мечъ съ благоговѣніемъ и гордо отвѣтствовалъ:

— Исполню условіе!

Марѳа долго еще говорила съ мудрымъ Ѳеодосіемъ о силахъ московскаго князя, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Новгорода и сказала, наконецъ, юношѣ:

— Возвратимся, буря утихла. Народъ покоится въ великомъ градѣ, но для сердца моего ужъ нѣтъ спокойствія.

Старецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобномъ мѣстѣ посадницу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мирослава и говорила:

— Народъ! этотъ витязь есть небесный даръ великому граду. Его рожденіе скрывается во мракѣ таинства; но благословеніе Всевышняго явно ознаменовало юношу. Чѣмъ отличаетъ Небо своихъ избранныхъ, когда этотъ геройскій видъ, это гордое чело, этотъ огненный взоръ не есть печать любви Его? Онъ питомецъ отечества, и сердце его сильно бьется при имени свободы. Вамъ извѣстны подвиги Мирославовой храбрости...

Марѳа съ жаромъ и краснорѣчіемъ описала ихъ

— Сограждане!—сказала она въ заключеніе,—кого болѣе всѣхъ долженъ ненавидѣть московскій князь, тому болѣе всѣхъ

вы можете вѣрить; я признаю Мирослава достойнымъ вождемъ новгородскимъ... Сама цвѣтущая молодость его влечетъ въ меня надежду: счастіе ласкаетъ юность!..

Народъ поднялъ руки вверхъ. Мирославъ былъ избранъ...

— Да здравствуетъ юный вождь силъ новгородскихъ!—восклицали граждане.

И юноша съ величественнымъ смиреніемъ преклонилъ голову.

Бояре и люди житые осѣнили его своими знаменами. Іосифъ Дѣлинскій, другъ Марѳы, вручилъ юношѣ златой жезлъ начальства. Старосты пяти концовъ новгородскихъ стали предъ нимъ съ сѣкирами, и тысяцкіе, громогласно объявивъ собраніе войска, записывали на лобномъ мѣстѣ имена гражданъ для всякой тысячи. Димитрій Сильный обнималъ Мирослава, называя его своимъ повелителемъ; но Михаилъ Храбрый, суровый воинъ, объявлялъ негодованіе.

Народъ, раздраженный его укоризнами, хотѣлъ смирить гордаго, но Марѳа и Дѣлинскій великодушно спасли его: они уважали въ немъ достоинство витязя и щадили личнаго врага, презирая месть и злобу.

Марѳа отъ имени Новгорода написала убѣдительное и трогательное письмо къ сосѣдней Псковской республикѣ.

«Отцы наши,—писала она,—жили всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ было одно бѣдствіе и счастіе, ибо они одно любили и ненавидѣли. Братья по крови славянской и вѣрѣ православной, они назывались братьями и по духу народному. Псковитянинъ въ Новгородѣ забывалъ, что онъ не въ отчизнѣ своей, и давно уже извѣстна пословица въ землѣ русской: «Сердце на Великой¹), душа на Волховѣ». Если мы чаще могли помогать вамъ, нежели вы намъ; если дальнія страны свѣдали имя ваше отъ насъ; если условія, заключенныя великимъ градомъ съ великою Ганзою, оживили псковскую торговлю; если вы заимствовали его спасительные гражданскіе уставы, и если ни хищность татаръ ни властолюбіе тверскихъ князей не повредили вашему благоденствію (ибо щитъ Новгорода осѣнялъ друзей его), то хвала единому Небу! Мы не гордимся своими услугами и счастливы только ихъ воспоминаніемъ. Нынѣ, братья, зовемъ васъ на помощь къ себѣ

¹) Имя псковской рѣки.

DAMAGED PAGE(S)

не для отплаты за новгородское добро, а для собственнаго вашего блага. Когда рука сильнаго сразить насъ, то и вы не переживете вѣрныхъ друзей своихъ. Самая покорность не спасетъ вашего народнаго бытія: гражданинъ не угодитъ самовластителю, пока не будетъ законнымъ рабомъ. Увѣренные въ вашей мудрости и любви къ общей славѣ, мы уже назначили предъ градомъ мѣсто для вѣрной псковской дружины».

Чиновники подписали грамоту, и гонецъ немедленно отправился съ нею.

Трубы и литавры возвѣстили на Великой площади явленіе иностранныхъ гостей. Музыканты въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ шли впереди, за ними граждане десяти вольныхъ нѣмецкихъ городовъ, по два въ рядъ, всѣ въ богатой одеждѣ, несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, златые слитки и драгоцѣнные камни. Они приблизились къ Вадимову мѣсту и поставили блюда на ступени его. Ратсгеръ города Любека требовалъ слова и сказалъ народу:

— Граждане и чиновники! вольные люди нѣмецкіе свѣдали, что сильный врагъ угрожаетъ Новгороду. Мы давно торгуемъ

съ вами и хвалимся вѣрностію, хвалимся пріязнею новгородскою; знаемъ благодарность, умѣемъ помогать друзьямъ въ нуждѣ. Граждане и чиновники! примите усердные дары добрыхъ иностранныхъ гостей, не столько для умноженія вашей казны, сколько для нашей чести. Требуемъ еще отъ васъ оружія и дозволенія сражаться подъ новгородскими знаменами. Великая Ганза не простила бы намъ, если бы мы остались только свидѣтелями вашихъ опасностей. Насъ семьсотъ человѣкъ въ великомъ градѣ, всѣ выйдемъ въ поле, и клянемся нѣмецкою вѣрностью, что умремъ или побѣдимъ съ вами!

Народъ съ живѣйшею благодарностью принялъ такіе знаки дружескаго усердія.

Мирославъ самъ роздалъ оружіе чужеземнымъ гостямъ, которые желали составить особенный легіонъ.

Марѳа назвала его «дружиною великодушныхъ», и граждане общимъ восклицаніемъ подтвердили это имя.

Уже среди шумныхъ воинскихъ приготовленій день склонялся къ вечеру. И юная Ксенія, сидя подъ окномъ своего дѣвическаго терема, съ любопытствомъ смотрѣла на народныя движенія: они казались

DAMAGED PAGE(S)

чуждыми ея спокойному, кроткому сердцу!.. Злополучная!.. Такъ юный, невинный пастырь, еще озаренный лучами солнца, съ любопытствомъ смотритъ на сверкающую вдали молнію, не зная, что грозная туча на крыльяхъ бури прямо стремится къ нему, грянетъ и поразитъ его!.. Воспитанная въ простотѣ древнихъ славянскихъ нравовъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею ангельскою непорочностью и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствовать, что на свѣтѣ есть другое счастіе. Если иногда свѣтлый взоръ ея нечаянно устремлялся на новгородскихъ юношей, то она краснѣла, не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродѣтели. Любить мать и свято исполнять ея волю, любить братьевъ и милыми ласками доказывать имъ свою нѣжность было единственною потребностью этой кроткой души. Но неисповѣдимая судьба захотѣла ввергнуть ее въ мятежъ человѣческихъ страстей; прелестная, какъ роза, погибнетъ въ бурѣ, но съ твердостью и великодушіемъ: она была славянка!.. Искра едва свѣтится на землѣ—сильный вѣтеръ разсѣваетъ изъ нея пламя.

Отворяются двери уединеннаго терема, и служанки входятъ съ богатымъ нарядомъ; подаютъ Ксеніи алую одежду, жемчужное ожерелье, изумрудныя серьги; произносятъ имя матери ея; и дочь, всегда послушная, спѣшитъ нарядиться, не зная для чего. Скоро приходитъ Марѳа, смотритъ на Ксенію, смягчается душою и даетъ волю слезамъ материнской горячности... Можетъ-быть, тайное предчувствіе въ эту минуту омрачило сердце ея; можетъ-быть, милая дочь казалась ей несчастною жертвою, украшенною для алтаря и смерти! Долго не можетъ она говорить, прижимая любезную, спокойную невинность къ пламенной своей груди; наконецъ укрѣпилась силою мужества и сказала:

— Радуйся, Ксенія! Этотъ день есть счастливѣйшій въ жизни твоей: нѣжная мать избираетъ тебѣ супруга, достойнаго быть ея сыномъ!..

Она ведетъ ее въ храмъ Софійскій.

Уже народъ свѣдалъ объ этомъ знаменитомъ бракѣ, изъявилъ свою радость и шумными толпами провожалъ Ксенію, изумленную, встревоженную столь внезапною перемѣною своей судьбы... Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ матери,

вдругъ видитъ мирное гнѣздо свое, разрушенное вихремъ, и сама несется имъ въ неизвѣстное пространство; напрасно хотѣла бы она слабымъ усиліемъ своихъ нѣжныхъ крыльевъ противиться стремленію бури... Уже Ксенія стоитъ передъ алтаремъ подлѣ юноши; уже совершается торжественный обрядъ; уже она—супруга, но еще не взглянула на того, кто долженъ быть отнынѣ властителемъ судьбы ея... О, слава священнымъ правамъ матери и добродѣтельной покорности славянскихъ дѣвъ!.. Самъ Ѳеофилъ[1]) благословилъ новобрачныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ матери, которая съ нѣжностью обнимала дочь свою и Мирослава и въ то же время съ величіемъ принимала усердныя поздравленія чиновниковъ. Іосифъ Дѣлинскій именемъ всѣхъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. «Ты не имѣешь родителей,—говорилъ онъ,—отечество признаетъ тебя великимъ сыномъ своимъ; и главный защитникъ новгородскихъ правъ да живетъ тамъ, гдѣ добродѣтельный князь утвердилъ ихъ своею печатью, и гдѣ Новгородъ желаетъ нынѣ угостить новобрач-

---

[1]) Тогдашній новгородскій епископъ.

ныхъ»...—«Нѣтъ,—отвѣтствовала Марѳа,—еще мечъ Іоанновъ не преломился о щитъ Мирослава и не обагрился его кровью за Новгородъ!..—и тихо промолвила:—О, вѣрный другъ Борецкихъ, хотя въ этотъ день, въ послѣдній разъ да буду матерью одна среди моего семейства!» Она вышла изъ храма съ своими дѣтьми. Чиновники не дерзали слѣдовать за нею, и народъ далъ новобрачнымъ дорогу; знаменитыя жены усыпали ее цвѣтами до самыхъ воротъ посадницы. Мирославъ велъ нѣжную томную Ксенію (и Новгородъ никогда не еще видалъ столь прелестной четы); впереди—Марѳа, за нею два сына ея. Вдали шли чужеземные музыканты, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасность и войну: веселіе сіяло на лицахъ, и всякій отецъ, смотря на величественнаго юношу, гордился имъ, какъ своимъ сыномъ, и всякая мать, видя Ксенію, хвалилась ею, какъ милою своею дочерью. Марѳа веселилась народнымъ усердіемъ, облако всегдашней задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на всѣхъ съ привѣтливою улыбкой благодарности.

Съ самой кончины Исаака Борецкаго домъ его представлялъ уныніе и пустоту

горести; теперь онъ снова украшается драгоцѣнными коврами и богатыми нѣмецкими тканями; вездѣ зажигаются серебряные свѣтильники, и вѣрные слуги Борецкихъ встрѣчаютъ радостными толпами новобрачныхъ. Марѳа садится за столъ со своими дѣтьми, ласкаетъ ихъ, цѣлуетъ Ксенію и изливаетъ въ искреннихъ разговорахъ всю свою душу. Никогда милая дочь ея не казалась ей столь любезною. «Ксенія,—говоритъ она,—нѣжное кроткое сердце твое узнаетъ теперь новое счастье, супружескую любовь, которой уступаютъ всѣ другія чувства. Въ ней малодушная жена, осужденная рокомъ на однѣ жалобы и слезы въ бѣдствіяхъ, находитъ твердость и рѣшительность, которой могутъ завидовать герои!.. О, любезныя дѣти! теперь открою вамъ тайну моего сердца!..—Она дала знакъ рукою, и многочисленные слуги удалились.—Было время, и вы помните его,—продолжала Марѳа,—когда мать ваша жила единственно для супруга и семейства въ тишинѣ своего дома, боялась народнаго шума и только въ храмы священные ходила по стогнамъ; не знала ни вольности ни рабства; не знала, повинуясь сладкому закону любви, что есть другіе законы въ

свѣтѣ, отъ которыхъ зависитъ счастіе и бѣдствіе людей. О, блаженное время! твои милыя воспоминанія извлекаютъ еще нѣжныя слезы изъ глазъ моихъ!.. Кто нынѣ узнаетъ вашу мать? Нѣкогда робкая, боязливая, уединенная, съ скромною твердостію предсѣдаетъ теперь въ совѣтѣ старѣйшинъ, является на лобномъ мѣстѣ предъ многочисленнаго народа, велитъ умолкнуть посадникамъ, говоритъ на вѣчѣ, волнуетъ народъ, какъ море; требуетъ войны и кровопролитія, ея, которую прежде ужасало одно имя ихъ!.. Что жъ дѣйствуетъ въ душѣ моей, что перемѣнило ее столь чудесно? Какая сила даетъ мнѣ власть надъ умами согражданъ? Любовь... Одна любовь къ отцу вашему, этому герою добродѣтели, который живетъ и дышетъ отечествомъ!.. Готовый умереть на полѣ противъ литовцевъ, онъ казался задумчивымъ, безпокойнымъ, печальнымъ; открылъ мнѣ душу свою и сказалъ: Я могу положить голову въ этой предстоящей войнѣ; дѣти наши еще младенцы; съ моею смертію умолкнетъ голосъ Борецкихъ на вѣчѣ, гдѣ онъ гремѣлъ для вольности и возбуждалъ любовь къ отечеству. Народъ слабъ и непостояненъ, ему нужна помощь великой души къ движенію

и рѣшительныхъ случаяхъ. Я предвижу опасности, и всѣхъ опаснѣе для насъ князь московскій, который тайно желаетъ покорить Новгородъ. О, другъ моего сердца, успокой его! Древнія лѣтописи сохранили имена нѣкоторыхъ великихъ славянскихъ женъ: клянись мнѣ превзойти ихъ! Клянись замѣнить Исаака Борецкаго въ народныхъ совѣтахъ, когда его не будетъ на свѣтѣ! Клянись быть вѣчнымъ врагомъ непріятелей новгородской свободы; клянись умереть защитницею правъ ея,—и тогда умру спокойно!..» Я дала клятву... Онъ погибъ вмѣстѣ съ моимъ счастіемъ... Не знаю, катились ли изъ глазъ моихъ слезы на гробъ: я не о слезахъ думала, но, обожавъ супруга, пылала ревностію воскресить въ себѣ душу его. Мудрыя преданія древности, чужеземные языки, лѣтописи вольныхъ народовъ, опыты вѣковъ просвѣтили мой разумъ. Я говорила, и старцы съ удивленіемъ внимали моимъ словамъ; добродушный народъ, осыпанный моими благодѣяніями, любитъ и славитъ меня; чиновники имѣютъ ко мнѣ довѣренность, ибо думаю только о славѣ Новгорода; враги и завистники... но я презираю ихъ. Всѣ видятъ дѣла мои; но вы одни знаете

теперь ихъ тайный источникъ. О Ксенія! я могу служить тебѣ примѣромъ; но ты, юноша, избранный сынъ моего сердца, желай только сравняться съ отцомъ ея. Онъ любилъ супругу и дѣтей своихъ; но съ радостью предалъ бы насъ въ жертву отечеству. Гордость, славолюбіе, героическая добродѣтель есть свойство великаго мужа; слабая жена бываетъ сильна одною любовію, но чувствуя въ сердцѣ ея небесное вдохновеніе, она можетъ превзойти великодушіемъ самыхъ великихъ мужей и сказать року: «Не страшусь тебя!» Такъ Ольга любовія къ памяти Игоря заслужила безсмертіе; такъ Марѳа будетъ удивленіемъ потомства, если злословіе не омрачитъ дѣлъ ея въ лѣтописяхъ!..»

Она благословила дѣтей и заключилась въ уединенномъ своемъ теремѣ, но сонъ нé смыкалъ ея глазъ. Въ самую глубокую полночь Марѳа слышитъ тихій стукъ у двери; отворяетъ ее, и входитъ человѣкъ суроваго вида, въ одеждѣ нерусской, съ длиннымъ литовскимъ мечомъ, съ златою звѣздою на груди, едва наклоняетъ свою голову, объявляетъ себя тайнымъ посломъ Казимира и представляетъ Марѳѣ письмо его. Она съ гордою скромно-

сію отвѣтствуетъ: «Жена новгородская не знаетъ Казимира; я не возьму гласти». Хитрый полякъ хвалитъ героиню великаго града, извѣстную въ самыхъ отдаленныхъ странахъ, уважаемую царями и народами. Онъ уподобляетъ ее великой дочери Краковой, называетъ новгородскою Ваидою[1]). Марѳа внимаетъ ему съ равнодушіемъ. Полякъ описываетъ ей величіе своего государя, счастіе союзниковъ и бѣдствіе враговъ его... Она съ гордостью садится. «Казиміръ великодушно предлагаетъ Новгороду свое заступленіе,—говоритъ онъ,—требуйте, и польскіе легіоны окружатъ васъ своими щитами...» Марѳа задумалась... «Когда же спасемъ васъ, тогда...—Посадница быстро взглянула на него.—Тогда благодарные новгородцы должны признать въ Казимирѣ своего благотворителя и властелина, который, безъ сомнѣнія, не употребитъ во зло ихъ довѣренность».—«Умолкни!» грозно восклицаетъ Марѳа... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, посолъ безмолвствуетъ, но, устыдясь своей робости, возвышаетъ голосъ и хочетъ доказать необходимую гибель Новгорода, если Казиміръ

---

1) Объ этой королевѣ польскія лѣтописи разсказываютъ чудеса.

не защитить его отъ московскаго князя... «Лучше погибнуть отъ руки Іоанновой, нежели спастись отъ вашей!—съ жаромъ отвѣтствуетъ Марѳа.—Когда вы не были лютыми врагами русскаго народа? Когда міръ надѣялся на польское слово? Давно ли самъ невѣрный Амуратъ удивлялся вашему вѣроломству [1])? И вы дерзаете мыслить, что великодушный народъ захочетъ упасть на колѣни предъ вами? Тогда бы Іоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Нѣтъ! Если угодно Небу, то мы падемъ съ мечомъ въ рукѣ предъ московскимъ княземъ: одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ; русскій можетъ покориться русскому, но чужеземцу—никогда-никогда!.. Удались немедленно; и если восходящее солнце освѣтитъ тебя еще въ новгородскихъ стѣнахъ, то будешь высланъ съ безчестіемъ. Такъ, Марѳа любима своимъ народомъ; но она велитъ ему ненавидѣть Литву и Польшу... Вотъ отвѣтъ Казимиру!» Посолъ удалился.

На другой день Новгородъ представилъ вѣсть и грозную дѣятельность воинскаго

[1]) Происшествіе это было тогда еще ново. Владиславъ, король польскій, едва заключивъ торжественный миръ съ султаномъ, неожиданно напалъ на его владѣнія.

стана и великодушіе народнаго пиршества, даннаго Марѳою въ знакъ ея семейной радости. На стогнахъ раздавался стукъ оружія. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и латахъ; старцы сидѣли на Великой площади и разсказывали о битвахъ неопытнымъ юношамъ, которые толпились вокругъ нихъ и еще въ первый разъ видѣли на себѣ блестящіе доспѣхи. Въ то же время накрывались безчисленные столы вокругъ Вадимова мѣста; ударили въ колоколъ, и граждане сѣли за нихъ; воины клали подлѣ себя оружіе и пировали. Рука изобилія подавала яства. Борецкіе угощали народъ съ восточною роскошью. Мирославъ и Ксенія ходили вокругъ столовъ и просили гражданъ веселиться. Юный полководецъ ласково говорилъ съ ними; юная супруга его привѣтливо кланялась имъ. Въ этотъ день новгородцы составляли одно семейство, Марѳа была его матерью. Она садилась за всякимъ столомъ, называла гражданъ своими любезными гостями, служила имъ, дружески бесѣдовала съ ними, хотѣла казаться равною со всѣми, и казалась царицею. Громогласныя изъявленія усердія и радости встрѣчали и провожали ее; когда она говорила, всѣ безмолвство-

вали; когда молчала, всѣ хотѣли говорить, чтобы славить и величать посадницу. За первымъ столомъ и на первомъ мѣстѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ новгородскихъ старцевъ, отецъ котораго помнилъ еще Александра Невскаго, внукъ съ сѣдою бородою принесъ его на народный пиръ. Марѳа подвела къ нему новобрачныхъ; онъ благословилъ ихъ и сказалъ:

— Живите мои лѣта, но не переживайте славы новгородской!..

Сама посадница налила ему серебряный кубокъ фряжскаго вина; старецъ выпилъ его, и темная кровь его начала обращаться въ немъ быстрѣе. «Марѳа,—говорилъ онъ,—я былъ свидѣтелемъ твоего славнаго рожденія на берегу Невы. Храбрый Молинскій занемогъ въ станѣ; войско не хотѣло сражаться до его выздоровленія. Мать твоя спѣшила къ нему изъ великаго града, и когда мы разили нѣмецкихъ рыцарей, когда родитель твой, еще блѣдный и слабый, мечомъ своимъ указывалъ намъ путь къ ихъ святому прапору, ты родилась. Первый вопль твой былъ для насъ гласомъ побѣды, но Молинскій упалъ мертвый на тѣло имъ сраженнаго великаго магистра Рудольфа!.. Финскій волхвъ, живший тогда

на берегу Невы, пророчествовалъ, что судьба твоя будетъ славна, но...» Старецъ умолкъ. Марѳа не хотѣла изъявить любопытства.

Всѣ чиновники вмѣстѣ съ нею и дѣтьми ея служили народу. Иностранные гости украсили Великую площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ нѣмецкихъ городовъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали чужеземные товары, Марѳа дарила ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнчанъ искусственными лаврами, на щитѣ его Дѣлинскій вырѣзалъ имя Мирослава; граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Марѳа съ чувствительностью обняла своего друга. Всѣ новгородцы ликовали, не думая о будущемъ; одинъ Михаилъ Храбрый не хотѣла брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой статуи и въ безмолвіи острилъ мечъ на ея подножіи. Къ вечеру пиршество заключилось потѣшными огнями.

Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова и вручилъ на лобномъ мѣстѣ грамоту степенному посаднику. Онъ считалъ и съ печальнымъ видомъ отдалъ письмо Марѳѣ...

«Друзья!—сказала она знаменитымъ гражданамъ.—Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новгороду счастія, — такъ говорятъ они,—только даютъ намъ совѣты, а не войско! И какіе совѣты?! Ожидать всего отъ Іоанновой милости!..»—«Измѣнники!» воскликнули всѣ граждане. «Недостойные!» повторили чужеземные гости. «Отомстить имъ!» говорилъ народъ. «Презрѣніемъ», отвѣтствовала Марѳа, изорвала письмо и на отрывкѣ его написала къ псковитянамъ: «Доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего можемъ обойтися».

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ большею ревностью началъ вооружаться. Ежедневно отправлялись гонцы въ его области[1]) съ повелѣніемъ посылать войско. Жители невскихъ береговъ, великаго озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловати, Шелони, одни за другими, являлись въ общемъ станѣ, въ который Мирославъ вывелъ новгородскихъ гражданъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ этого юнаго полководца удивляли самыхъ опытныхъ витязей. Онъ встрѣчалъ на конѣ

[1]) Онѣ назывались пятинами: Водскою, Обонежскою, Бѣжецкою, Деревскою, Шелонскою.

солнце, составлялъ легіоны, пріучалъ ихъ къ стройному шествію, къ быстрымъ движеніямъ и стремительному нападенію, въ присутствіи новгородскихъ женъ, которыя съ любопытствомъ и тайнымъ ужасомъ смотрѣли на этотъ образъ битвы. Между станомъ и московскими вратами возвышался холмъ; туда обращался взоръ Мирослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли: тамъ обыкновенно стояла вмѣстѣ съ матерью прелестная Ксенія, уже страстная, чувствительная супруга... Невинное и скромное сердце любитъ тѣмъ пламеннѣе, когда оно, слѣдуя закону божественному и человѣческому, навѣкъ отдается достойному юношѣ. Славянскія жены издревле славились нѣжностью. Ксенія гордилась Мирославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ своего меча приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ, восклицалъ и единымъ словомъ останавливалъ быстрыя тысячи: но черезъ минуту слезы катились изъ глазъ ея... Она спѣшила отирать ихъ съ милой улыбкою, когда мать смотрѣла на нее. Часто Марѳа сходила съ высокаго холма и въ шумномъ замѣшательствѣ терялась между безчисленными рядами воиновъ.

Пришло извѣстіе, что Іоаннъ уже спѣшитъ къ великому граду съ своими храбрыми опытными легіонами. Еще изъ дальнихъ новгородскихъ областей, отъ Каргополя и Двины, ожидали войска; но верховный совѣтъ далъ вождю повелѣніе, и Мирославъ сорвалъ покровъ съ хоругви отечества. Она возвѣялась, и раздалось громкое восклицаніе: «Друзья, въ поле!» Сердца родителей и супругъ затрепетали... Тысячи колеблются и выступаютъ: первая и вторая состояли изъ знаменитыхъ новгородскихъ гражданъ и людей житыхъ; одежда ихъ отличалась богатствомъ, оружіе — блескомъ, осанка — благородствомъ, а сердца — пылкостію; каждый изъ нихъ могъ уже славиться дѣлами мужества или почтенными ранами. Михаилъ Храбрый шелъ на ряду съ другими, какъ простой воинъ. Юный Мирославъ взялъ его за руку, вывелъ впередъ и сказалъ: «Честь витязей! повелѣвай этими знаменитыми мужами!» Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордостію, но взоръ его изъявилъ чувствительность... «Юноша! я — врагъ Борецкихъ!..»—«Но другъ славы новгородской!» отвѣтствовалъ Мирославъ, и витязь обнялъ его, сказавъ: «Ты хочешь моей смерти!»

За этимъ легіономъ шла дружина великодушныхъ, подъ начальствомъ любезнаго ратсгера. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: «Дружба и благодарность!» Они вмѣстѣ съ новгородцами составляли большой полкъ, онежцы и волховцы—передовой, жители Деревской области—правую, шелонскіе—лѣвую руку, а невскіе—стражу[1]). Мирославъ велѣлъ войску остановиться на равнинѣ... Марѳа явилась посреди него и сказала:

— Воины! въ послѣдній разъ да обратятся глаза ваши на этотъ славный и великолѣпный градъ: судьба его написана теперь на вашихъ щитахъ! Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости или отчаянія, прославимъ героевъ или устыдимся малодушныхъ. Если возвратитесь съ побѣдою, то счастливы родители, жены новгородскія, которыя и обнимутъ дѣтей и супруговъ; если возвратитесь побѣжденными, то будутъ счастливы сирые, безчадные и вдовицы!.. Тогда живые позавидуютъ мертвымъ!

---

[1]) Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а стражею, или сторожевымъ полкомъ,—арьергардъ.

«О великодушные воины! вы идете спасти отечество и навѣки утвердить благіе его законы, вы любите тѣхъ, съ которыми должны сражаться; но почему же ненавидять они величіе Новгорода? Отразите ихъ — и тогда съ радостію примиримся съ ними!

«Грядите не съ миромъ, но съ войною для мира! Донынѣ Богъ любилъ насъ; донынѣ говорили народы: кто противъ Бога и Великаго Новгорода! Онъ съ вами: грядите!

Заиграли на трубахъ и литаврахъ. Мирославъ вырвался изъ объятій Ксеніи. Марѳа, возложивъ руки на юношу, сказала только: «Исполни мою надежду». Онъ сѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечомъ, и войско двинулось, громко взывая: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода!» Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля стонала отъ конскаго топота, и грозныя тысячи сокрылись въ облакахъ пыли. Новгородскія жены не могли удержать слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала и съ твердостію сказала матери: «Отнынѣ ты будешь моимъ примѣромъ!»

Еще много жителей осталось въ великомъ градѣ; но тишина, которая въ немъ

царствуетъ по отходѣ войска, скрываетъ число ихъ. Торговая сторона[1]) опустѣла; уже иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоцѣнныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами русской земли, затворены; не видно никого на княжескомъ мѣстѣ, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ богатырскихъ играхъ; и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней передъ тѣмъ, кажется великою обителью мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи. Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ передъ образами, ѳиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на клиросахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣни. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда волнуетъ сердца, и люди, встрѣчаясь на стогнахъ, не видятъ другъ друга... Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ опасности издали; но, видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни чиновники кажутся спокойными, одна Марѳа тверда душою, дѣятельна въ со-

---

1) Часть города, гдѣ жили купцы.

вѣтѣ, словоохотна на Великой площади, среди граждан, и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея геройской твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ верховный совѣтъ.

Первый гонецъ Мирославовъ нашелъ ихъ въ саду; Ксенія поливала цвѣты, Марѳа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба въ глубокомъ размышленіи. Мирославъ писалъ, что войско изъявляетъ жаркую ревность; что всѣ именитые витязи увѣряютъ его въ дружбѣ, и всѣхъ болѣе Димитрій Сильный, что Іоаннъ соединилъ полки свои съ тверскими и приближается; что славный московскій воевода, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій—главный по князѣ и начальникъ. Второй гонецъ привезъ извѣстіе, что новгородцы разбили отрядъ Іоаннова войска и взяли въ плѣнъ 50 московскихъ дворянъ. Съ третьимъ Мирославъ написалъ только одно слово: «Сражаемся». Тутъ сердце Марѳы, наконецъ, затрепетало; она спѣшила на Великую площадь, сама ударила въ вѣчевой колоколъ,

объявила гражданамъ о началѣ рѣшительной битвы, стала на Вадимовомъ мѣстѣ, устремила взоръ на московскую дорогу и казалась неподвижною.. Солнце восходило. Уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣстія. Народъ ожидалъ въ глубокомъ молчаніи и смотрѣлъ на посадницу. Уже наступалъ вечеръ... Марѳа сказала: «Я вижу облако пыли». Всѣ руки поднялись къ небу... Марѳа долго не говорила ни слова... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: «Мирославъ убитъ! Іоаннъ—побѣдитель!» и бросилась въ объятія несчастной Ксеніи.

III.

Марѳа съ высокаго Вадимова мѣста увидѣла разсѣянныя тысячи бѣгущихъ и среди нихъ колесницу, осѣненную знаменами: такъ издревле новгородцы возили тѣла убитыхъ своихъ вождей...

Безмолвіе мужей и старцевъ въ великомъ градѣ было ужаснѣе вопля малодушныхъ женъ... Скоро посадница ободрилась и велѣла отпереть московскія врата. Бѣглецы не смѣли явиться народу и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой площади. Вокругъ нея шли, потупивъ глаза въ землю, съ горестью, но безъ стыда, люди житые и чужеземные воины; кровь запекалась на ихъ оружіи; обломленные щиты, обрубленные шлемы показывали слѣды безчисленныхъ непріятельскихъ ударовъ. Подъ сѣнью знаменъ, надъ тѣломъ вождя сидѣлъ Михаилъ Храбрый, блѣдный, окровавленный;

вѣтеръ развѣвалъ его черные волосы, утомленная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой площади... Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Марѳа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружелюбія; онъ не могъ итти: чиновники внесли его на желѣзныя ступени Вадимова мѣста. Посадница открыла тѣло убитаго Мирослава... На блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти... «Счастливый юноша!» произнесла она тихимъ голосомъ и спѣшила внимать Храброму Михаилу. Ксенія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала матери: «Будь покойна, я—дочь твоя!»

Ослабѣвшаго отъ ранъ витязя посадили на щитахъ, но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ томную голову, оперся на свой мечъ и вѣщалъ твердымъ голосомъ:

— Народъ и граждане! разбито храброе воинство; великій полководецъ убитъ. Небо лишило насъ побѣды—не славы?!

— «На берегахъ Шелони мы встрѣтились съ Іоанномъ. Его именемъ князь Холмскій требовалъ тайнаго свиданія съ Мирославомъ. «Увидимся на полѣ ратномъ», отвѣтствовалъ гордый юноша и стройно

поставилъ воинство. Онежцы первые вступили въ бой на шелонскихъ высотахъ; тамъ Образецъ, славный московскій воевода, принялъ ихъ удары на свой щитъ... Мы шли въ срединѣ, тихо и въ безмолвіи. Мирославъ наблюдалъ впереди движеніе и силу враговъ. Воинство Іоанново было многочисленнѣе нашего; необозримые ряды его тѣснились на равнинѣ. Мы видѣли московскаго князя на бѣломъ конѣ; видѣли, какъ онъ распоряжалъ легіоны и указывалъ блестящимъ мечомъ своимъ на сердце новгородское, на хоругвь отечества; видѣли князя Холмскаго, идущаго съ сильнымъ отрядомъ окружить насъ... Мирославъ повелѣлъ, и невская стража съ Дмитріемъ Сильнымъ двинулась къ нему навстрѣчу. Вѣроломный!.. Еще онежцы и волховцы не могли занять шелонскихъ бугровъ, мечъ витязя Образца дымился ихъ кровью. Мирославъ, пылая нетерпѣніемъ, летѣлъ туда на бурномъ своемъ конѣ; мы взглянули—и новгородскія знамена уже развѣвались на холмахъ, и волховцы подняли вверхъ на своихъ щитахъ тѣло убитаго московскаго начальника. Тогда, воскликнувъ громогласно: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?!» всѣ наши ряды

устремились въ битву и сразились... На всей равнинѣ загремѣло оружіе, и кровь полилась рѣкою. Я видалъ битвы, но никогда такой не видывалъ. Русская грудь была противъ груди русской, и витязи съ обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что они славяне. Взаимная злоба братій есть самая ужасная!.. Тысячи падали; но первые ряды казались цѣлы и невредимы; каждый пылалъ ревностью заступить мѣсто убитаго и безжалостно попиралъ ногою грудь своего брата, чтобы только отомстить смерть его. Волки Іоанновы стояли непоколебимою твердынею; новгородскіе стремились на нихъ какъ бурныя волны. Одни сражались за честь, другіе—за честь и вольность; мы шли впередъ за нашимъ полководцемъ, который искалъ взоромъ Іоанна. Московскій князь былъ окруженъ знаменитыми витязями; Мирославъ разсѣкъ эту крѣпкую ограду, поднялъ руку— и медлилъ. Сильный оруженосецъ Іоанновъ ударилъ его мечомъ въ главу, и шлемъ распался на части; онъ хотѣлъ повторить ударъ, но самъ Іоаннъ закрылъ Мирослава своимъ щитомъ. Опасность вождя удвоила наши силы, и скоро главная московская дружина замѣшалась. Новгородцы восклик-

нули побѣду; но въ то же мгновеніе имя Іоанново гремѣло за нами... Мы съ удивленіемъ обратили взоръ: князь Холмскій развилъ въ тылу лѣвое крыло новгородское... Дмитрій измѣнилъ согражданамъ... Не исполнивъ повелѣнія вождя, завелъ стражу въ непроходимыя болота, не встрѣтилъ врага и далъ ему время окружить наше войско... Мирославъ сгѣбилъ ободрить изумленныхъ ополченцевъ; онъ помогъ имъ только умереть великодушнѣе! Герой сражался безъ шлема, но всякій усердный новгородскій воинъ служилъ ему щитомъ. Онъ увидѣлъ Дмитрія среди московской дружины, послѣднимъ ударомъ наказалъ измѣнника и палъ отъ руки Холмскаго; но, падая на берегу Шелони, бросилъ мечъ свой въ быстрыя воды ея...

Тутъ голосъ Михаила ослабѣлъ, взоръ помрачился облакомъ, блѣдныя уста онѣмѣли, мечъ выпалъ изъ руки его; онъ затрепеталъ, взглянулъ на образъ Вадимовъ и навѣки закрылъ глаза свои... Чиновники положили тѣло его на колесницу, рядомъ съ Мирославовымъ.

— Народъ! — сказалъ Александръ Знаменитый, старшій изъ витязей.—Благослови память Михаила! Онъ вышелъ изъ битвы

съ хоругвью отечества, съ тѣломъ Мирослава, обагренный кровью безчисленныхъ враговъ и собственною, собралъ остатки храбрыхъ людей житыхъ, дружины великодушныхъ и въ самомъ бѣдствіи казался грознымъ Іоанну,—враги видѣли насъ еще не мертвыхъ и стояли неподвижно. Радость побѣды изображалась на ихъ лицахъ вмѣстѣ съ ужасомъ: они купили ее смертью славнѣйшихъ московскихъ витязей. Народъ и чиновники! многіе новгородцы погибли славно: радуйтесь! Нѣкоторые спаслись бѣгствомъ: презирайте малодушныхъ! Мы живы, но не стыдимся! Сочтите знаменитыхъ гражданъ: ихъ осталось менѣе половины, всѣ они легли вокругъ хоругви отечества.

— Сочтите насъ!—сказалъ начальникъ «дружины великодушныхъ».—Изъ семисотъ чужеземныхъ новгородскихъ братій видите третью часть: всѣ они легли вокругъ Мирослава.

«Убиты ли сыны мои?» спросила Марѳа съ нетерпѣніемъ. «Оба», отвѣтствовалъ Александръ Знаменитый[1]) съ горестью. «Хвала Небу!—сказала посадница.—От-

[1]) Въ лѣтописяхъ сказано, что сынъ ея Дмитрій былъ взятъ въ плѣнъ.

цы и матери новгородскіе! теперь я могу утѣшать васъ!.. Но прежде, о, народъ, будь строгимъ, неумолимымъ судіею и рѣши судьбу мою! Унылое молчаніе царствуетъ на Великой площади, я вижу знаки отчаянія на многихъ лицахъ. Можетъ-быть, граждане сожалѣютъ о томъ, что они не упали на колѣни предъ Іоанномъ, когда Холмскій объявилъ намъ волю его властвовать въ Новгородѣ; можетъ-быть, тайно обвиняютъ меня, что я хотѣла оживить въ сердцахъ народную гордость!.. Пусть говорятъ враги мои, и если они докажутъ, что сердца новгородскія не отвѣтствуютъ моему сердцу, что любовь къ свободѣ есть преступленіе для гражданки вольнаго отечества, то я не буду оправдываться, ибо славлюсь моею виною и съ радостью кладу голову свою на плаху. Пошлите ее въ даръ Іоанну и смѣло требуйте его милости!..»

«Нѣтъ! Нѣтъ!—воскликнулъ народъ въ живѣйшемъ усердіи.—Мы хотимъ умереть съ тобою! Гдѣ враги твои? Гдѣ друзья Іоанновы? Пусть говорятъ они: «Мы пошлемъ ихъ головы къ князю московскому!» Отцы, которые лишились дѣтей въ шелонской битвѣ, тронутые великодушіемъ Марѳы, цѣловали одежду ея и говорили: «Про-

сти намъ: мы плакали». Слезы текли изъ глазъ Марѳы. «Народъ!—сказала она,—съ такою душою ты еще не побѣжденъ Іоанномъ! Нѣтъ величія безъ опасностей и бѣдствія. Небо искушаетъ ими любимцевъ своихъ. Бывали тучи надъ великимъ градомъ, но отцы наши не опускали мечей, и мы родились свободными. Издревле счастье волнское славится превратностью. Новгородъ видалъ тѣла полководцевъ на лобномъ мѣстѣ, видалъ надменнаго врага предъ стѣнами своими; кто жъ входилъ въ нихъ донынѣ? Одни друзья его. Народъ великодушный! будь твердъ и спокоенъ! Еще не все погибло: Борецкая жива и говоритъ съ тобою! Когда желѣзныя ступени перестанутъ звучать подъ ногами моими; когда взоръ твой въ рѣшительный часъ напрасно будетъ искать меня на Вадимовомъ мѣстѣ; когда въ глубокую ночь погаснетъ лампада въ моемъ высокомъ теремѣ и не будетъ уже для тебя знакомъ, что Марѳа при свѣтѣ ея мыслитъ о благѣ Новгорода,—тогда, тогда скажи: все погибло!.. Теперь, друзья сограждане, воздадимъ послѣднюю честь вождю Мирославу и витязю Михаилу; чиновники ваши пекутся о безопасности града». Она дала знакъ рукою, и колесница

тронулась. Чиновники и народъ проводили ее до Софійскаго храма. Еѳофилъ съ духовенствомъ встрѣтилъ ихъ. Степенный посадникъ и тысяцкій положили тѣла въ гробы.

Наступила глубокая ночь. Никто не мыслилъ успокоиться въ великомъ градѣ. Чиновники поставили стражу и заключились въ домѣ Ярослава для совѣта съ Марѳою. Граждане толпились на стогнахъ и боялись войти въ свои дома, боялись воплей отчаянныхъ женъ и матерей. Утомленные воины не хотѣли отдохновенія, стояли предъ Владимовымъ мѣстомъ, облокотясь на свои щиты, и говорили: «Побѣжденные не отдыхаютъ». Ксенія молилась надъ тѣломъ Мирослава.

На утренней зарѣ раздалось святое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы внизу были открыты. Марѳа, Ксенія, старецъ, родитель Михаиловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горесть изобразилась на лицахъ; никто не дерзалъ стонать и плакать. Іосифъ Дѣтинскій именемъ Новгорода положилъ во гробы «харію славы»[1]), и ихъ опустили въ

---

1) На сихъ хартіяхъ, говоритъ авторъ, изображались славныя дѣла усопшаго.

землю подъ вѣяніемъ «хоругви отечества». Посадница стала на могилу; она держала въ рукѣ цвѣты и говорила: «Честь и слава храбрымъ! Стыдъ и поношеніе робкимъ! Здѣсь лежатъ знаменитые витязи; ихъ подвиги совершились, они успокоились въ могилѣ и ничѣмъ уже не должны отечеству; но отечество должно имъ вѣчною благодарностію. О воины новгородскіе! кто изъ васъ не позавидуетъ такому жребію? Храбрые и малодушные умираютъ; блаженъ, о комъ жалѣютъ вѣрные сограждане и чьею смертью они гордятся! Взгляните на этого старца, родителя Михаилова; согбенный лѣтами и болѣзнями, безчадный при концѣ жизни, онъ благодаритъ Небо, ибо Новгородъ погребаетъ великаго сына его. Взгляните на эту юную вдовицу: брачное пѣніе соединилось для нея съ гимнами смерти, но она тверда и великодушна, ибо ея супругъ умеръ за отечество... Народъ! если Всевышнему угодно сохранить бытіе твое, если грозная туча разсѣется надъ нами, и солнце озаритъ еще торжество свободы въ Новгородѣ, то это мѣсто да будетъ для тебя священно! Жены знаменитыя да украшаютъ его цвѣтами, какъ я теперь украшаю ими могилу любез-

нѣйпаго изъ сыновъ моихъ (Марѳа разсыпала цвѣты) и витязя храбраго, нѣкогда врага Борецкихъ; но тѣнь его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и юноши да славятъ здѣсь кончину героевъ и да клянутъ память измѣнника Дмитрія».—«Клятва, вѣчная клятва его имени и роду!» воскликнули всѣ чиновники и граждане, и братъ Дмитрія упалъ мертвый въ народной толпѣ, а супруга его съ отчаянья бросилась въ шумную глубину Волхова.

Уже Іоанновы легіоны приближались къ великому граду и медленно окружали его; народъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ грозныя движенія. Уже бѣлый княжескій шатеръ, увѣнчанный златымъ шаромъ, стоялъ предъ московскими вратами, и степенный тысяцкій отправился посломъ къ Іоанну. Новгородцы, готовые умереть за вольность, тайно желали сохранить ее миромъ. Марѳа знала сердца народныя, душу великаго князя и спокойно ожидала его отвѣта. Тысяцкій возвратился съ печальнымъ лицомъ; она велѣла ему объявить всенародно успѣхъ посольства.

— Граждане! — сказалъ онъ, — ваши мудрые чиновники думали, что московскій князь, хотя и побѣдитель, но самою побѣдою трудною и случайною увѣренный въ новгородскомъ великодушіи можетъ еще примириться съ нами... Бояре ввели меня въ шатеръ Іоанна... Вы знаете его величіе; гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ требовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія. «Князь московскій! — я вѣщалъ ему. — Новгородъ еще свободенъ! Онъ желаетъ мира, не рабства. Ты видѣлъ, какъ мы умираемъ за вольность. Хочешь ли еще напраснаго кровопролитія? Пощади своихъ витязей: отечеству русскому нужна сила ихъ. Если казна твоя оскудѣла, если богатство новгородское прельщаетъ тебя, — возьми наши сокровища: завтра принесемъ ихъ въ станъ твой съ радостію, ибо кровь сограждан намъ драгоцѣннѣе. Оставь насъ только быть счастливыми подъ древними законами, и мы назовемъ тебя своимъ благотворителемъ, скажемъ: «Іоаннъ могъ лишить насъ верховнаго блага, и не сдѣлалъ того, — хвала ему». Но если не хочешь мира съ людьми свободными, то знай, что совершенная побѣда надъ нами должна быть

ихъ истребленіемъ, а мы еще дышимъ и владѣемъ оружіемъ; знай, что ни ты ни преемники твои не будутъ увѣрены въ искренней покорности Новгорода, доколѣ древнія стѣны его не опустѣютъ или не пріимутъ въ себя жителей, чуждыхъ крови нашей!» — «Покорность безъ условія или гибель мятежникамъ!» отвѣтствовалъ Іоаннъ и съ гнѣвомъ отвратилъ лицо свое. Я удалился...

Марѳа предвидѣла дѣйствіе: народъ въ страшномъ озлобленіи требовалъ полководца и битвы. Александру Знаменитому вручили жезлъ начальства, и битвы начались...

Славныя и великія дѣла! Одни русскіе могли съ обѣихъ сторонъ такъ сражаться, могли такъ побѣждать и быть побѣждаемы. Опытность, хладнокровіе мужества и число благопріятствовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцевъ, удвоивала силы ихъ, замѣняла опытность; юноши, самые отроки становились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и московскіе воины не чувствовали ослабленія въ ударахъ противниковъ. Съ торжествомъ возглашалось имя великаго князя; иногда, хотя и рѣдко, имя вольности и Марѳы бывало также

радостнымъ кликомъ побѣдителей (ибо вольность и Марѳа знаменовали одно въ великомъ градѣ). Часто Іоаннъ, видя славную гибель упорныхъ новгородцевъ, горестно восклицалъ: «Я лишаюсь въ нихъ достойныхъ моего сердца подданныхъ!» Московскіе бояре совѣтовали ему удалиться отъ града, но великая душа его содрогалась отъ мысли уступить непокорнымъ. «Хотите ли,—отвѣтствовалъ онъ съ гнѣвомъ,—хотите ли, чтобы я положилъ вѣнецъ Мономаха къ ногамъ мятежниковъ?..» И суровые муромцы, жители темныхъ лѣсовъ, усердные владимирцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась княжеская дружина, состоявшая изъ храбрыхъ дворянъ, и знамена ея, на которыхъ изображались слова: «Съ нами Богъ и государь», дымились кровью.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны московскіе, такъ Марѳа въ Новгородѣ воспаляла умы и сердца. Народъ, часто великодушный, нерѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячи приходили въ княжескій станъ. «Марѳа!—говорилъ онъ,—кто нашъ союзникъ? Кто поможетъ великому граду!?»—«Небо!—отвѣтствовала посадница.—Наступаетъ влаж-

ная осень; болота, насъ окружающія, скоро обратятся въ необозримое море. Іоанновы шатры всплывутъ, и войско его погибнетъ или удалится». Лучъ надежды не угасалъ въ сердцахъ, и новгородцы сражались. Марѳа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битвы и держала въ рукѣ хоругвь отечества; иногда, видя отступленіе новгородцевъ, она грозно восклицала и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ битву. Ксенія не разлучалась съ нею и, видя паденіе витязей, думала: «Такъ палъ любезный Мирославъ!» Казалось, что эта невинная, кроткая душа веселилась ужасами кровопролитія. Столь чудесно дѣйствіе любви! Эти ужасы живо представляли ей кончину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обагреннымъ кровію Мирослава; огненный взоръ ея звалъ всѣ мечи, всѣ удары новгородскіе на главу московскаго полководца, но желѣзный щитъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго витязя опускалась съ тяжкими язвами и гибелью на смѣлыхъ противниковъ. Александръ Знаменитый съ веселіемъ спѣшилъ на ратное поле, съ видомъ горести возвра-

лался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдствіе отечества, искалъ только славной смерти и нашелъ ее среди московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши заступили мѣсто новгородскихъ вождей, ибо юность всего отважнѣе. Никто изъ нихъ не умиралъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь степенный посадникъ собралъ знатнѣйшихъ бояръ на думу, и при восходѣ солнца ударили въ вѣчевой колоколъ. Граждане летѣли на Великую площадь, и всѣ глаза устремились на Вадимово мѣсто. Марѳа и Ксенія вели на его желѣзныя ступени пустынника Ѳеодосія. Народъ общимъ крикомъ изъявилъ свое радостное удивленіе. Старецъ взиралъ на него дружелюбно, обнималъ знатныхъ чиновниковъ и сказалъ, поднявъ руки къ небу: «Любезное отечество! прими снова въ нѣдра свои Ѳеодосія!.. Въ счастливые дни твои я молился въ пустынѣ; но братья мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть съ ними, да совершится клятвенный обѣтъ моей юности и рода Мошинскихъ!..» Іосифъ Дѣлинскій, сопровождаемый тысяцкими и боярами, несетъ златую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаетъ ее на старца и говоритъ ему: «Будь еще посадникомъ

великаго града! Исполни усердное желаніе верховнаго совѣта! Съ радостью уступаю тебѣ мое достоинство: я могу владѣть оружіемъ, могу умереть въ полѣ!.. Народъ! объяви волю свою!» — «Да будетъ! Да будетъ!» громогласно отвѣтствовали граждане, и Марѳа сказала: «О, славное торжество любви къ отечеству! Старецъ, котораго Новгородъ уже давно оплакалъ, какъ мертваго, воскресаетъ для его спасенія! Отшельникъ, который въ тишинѣ пустыни сталъ чуждъ земныхъ страстей и забылъ уже всѣ радости и скорби человѣка, вспомнилъ еще обязанность гражданина, оставляетъ мирную пристань и хочетъ дѣлить съ нами опасности бурныхъ временъ! Народъ и граждане! можете ли отчаиваться? Можете ли сомнѣваться въ небесной благости, когда Небо уступаетъ намъ своего избраннаго, когда столѣтняя мудрость и добродѣтель будетъ предсѣдать въ верховномъ совѣтѣ? Возвратился Ософосій, возвратится и благоденствіе, которымъ вы нѣкогда наслаждались подъ его мудрымъ правленіемъ. Тогда воспоминаніе минувшихъ бѣдствій, искусивнихъ твердость новгородскихъ сердецъ, сбережется на славу нашу, и мы будемъ тѣмъ счаст-

ливѣе, ибо слава есть счастіе великихъ народовъ!»

Дѣлинскій и Марѳа убѣдили Ѳеодосія торжественно явиться въ великомъ градѣ, они думали, что нечаянность эта сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки старца, подобно дѣтямъ, которыя въ отсутствіи отца были несчастливы и надѣются, что опытная мудрость его прекратитъ бѣды ихъ. Долговременное уединеніе и святая жизнь напечатлѣли на лицѣ Ѳеодосія неизъяснимое величіе, но онъ могъ служить отечеству только усердными обѣтами чистой души своей—и безполезными, ибо суды Вышняго непремѣнны.

Новый посадникъ, слѣдуя древнему обыкновенію, долженъ быть угостить народъ; Марѳа приготовила великолѣпное пиршество, и граждане еще дерзнули веселиться! Еще духъ братства оживилъ сердца! Они веселились на могилахъ, ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родителя, сына или брата, убитыхъ на Шелони и во время кровопролитной осады. Это минутное счастливое забвеніе было послѣднимъ благодѣяніемъ судьбы для новгородцевъ.

Скоро открылось новое бѣдствіе; скоро въ великомъ градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его хлѣбородными областями, житницы народныя знаменитыхъ гражданъ и чужеземныхъ гостей опустѣли. Еще нѣсколько времени усердіе къ отечеству терпѣливо сносило недостатокъ: народъ едва питался и молчалъ. Наступила осень, ясная и тихая. Граждане всякое утро спѣшили на высокія стѣны и видѣли московскіе шатры, блескъ оружія, грозные ряды воиновъ: все еще думали, что Іоаннъ удалится, и малѣйшее движеніе въ его станѣ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ отступленія... Такъ надежда возрастаетъ иногда съ бѣдствіемъ, подобно свѣтильнику, который, готовясь угаснуть, расширяетъ пламя свое... Марѳа страдала въ глубинѣ души, но еще являлась народу въ видѣ спокойнаго величія, окруженная символами изобилія и земными дарами: когда ходила по стогнамъ, многочисленные слуги носили за нею корзину съ хлѣбами, она раздавала ихъ, встрѣчая блѣдныя, изнуренныя лица, и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновники день и ночь были въ собраніи... Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъявляли, что они не

одобряютъ упорство посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже совѣтовали войти въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, столѣтній Осодосій сѣдыми власами отиралъ слезы свои, Марѳа вступала въ храмину совѣта — и всѣ снова казались твердыми.

Граждане, гонимые тоскою изъ своихъ домовъ, нерѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, старца Осодосія, стоящаго на колѣняхъ предъ Софійскимъ храмомъ; юная Ксенія молилась вмѣстѣ съ нимъ; но мать ея во время тишины и мрака любила уединяться на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами; тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчивости, бесѣдовала съ его тѣнью и давала ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

Наконецъ ужасы голода сильно обнаружились, и страшный вопль, предвѣстникъ мятежа, раздался на стогнахъ. Несчастныя матери взывали: «Грудь наша изсохла, она уже не питаетъ младенцевъ!» Добрые новгородскіе сыны восклицали: «Мы готовы умереть, но не можемъ видѣть лютой смерти отцовъ нашихъ!» Борецкая сѣтовала на Вадимово мѣсто, указывала на блѣдное

лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ новгородскими братьями и что великодушное терпѣніе есть должность ихъ... Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ тѣлесныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувство голода терзало несчастныхъ. Враги посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, безчеловѣчною... Она содрогнулась... Тайные друзья Іоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: «Лучше служить князю московскому, нежели Борецкой; онъ возвратитъ изобиліе Новгороду; она хочетъ обратить его въ могилу!..» Марѳа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣни, поднимаетъ руки и смиренно молитъ народъ выслушать ее... Граждане, пораженные такимъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуютъ... «Въ послѣдній разъ,—вѣщаетъ она,—въ послѣдній разъ заклинаю васъ быть твердыми еще нѣсколько дней! Отчаяніе да будетъ нашею силою! Оно есть послѣдняя надежда героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!» Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая:

«Идемъ, идемъ сражаться!» Іоанновы друзья и враги посадницы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились, многіе сами упали на колѣни предъ Марѳою, называли ее матерью новгородскою и снова клялись великодушно умереть. Минута эта была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата московскія отворились; воины спѣшили въ поле: она вручила хоругвь отечества Дѣлинскому, который обнялъ своего друга и, сказавъ: «Прости навѣки!» удалился.

Войско Іоанново встрѣтило новгородцевъ... Битва продолжалась три часа; она была чудеснымъ усиліемъ храбрости... но Марѳа увидѣла, наконецъ, хоругвь отечества въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя «дружины великодушныхъ»—въ рукахъ Холмскаго, увидѣла пораженіе своихъ, воскликнула: «Свершилось!» прижала любезную дочь къ сердцу, взглянула на лобное мѣсто, на образъ Вадимовъ, и тихими шагами вошла въ свой домъ, опираясь на плечо Ксеніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; остатки воинства едва спаслись. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій

дворъ ея наполнился толпами людей. Она растворила окно, сказала: «Дѣлайте, что хотите!» и закрыла его. Ѳеодосій по требованію народа отправилъ пословъ къ Іоанну. Новгородъ отдавалъ ему всѣ свои богатства, уступалъ, наконецъ, всѣ области, единственно желая сохранить собственное внутреннее правленіе. Московскій князь отвѣтствовалъ: «Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій». Ѳеодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражданамъ рѣшительный отвѣтъ великаго князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марѳу, невольно устремился на высокій теремъ ея: тамъ угасла ночная лампада. Они вспомнили слова посадницы... Нѣсколько времени царствовало горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласіе на требованіе Іоанна; наконецъ друзья его ободрились и сказали: «Богъ покоряетъ насъ московскому князю, онъ будетъ отцомъ Новгорода». Народъ присталъ къ нимъ и молилъ старца быть его ходатаемъ. Граждане въ это послѣднюю ночь народной власти не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой площади, ходили по стогнамъ, нарочно приближаясь къ вратамъ, гдѣ стояла воинская стража, и на вопросъ ея: «кто они?»

еще съ тайнымъ удовольствіемъ отвѣтствовали: «Вольные люди новгородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ; только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце всходило, и лучи его озарили Іоанна, сидящаго на тронѣ, подъ хоругвью новгородскою, среди воинскаго стана полководцевъ и бояръ московскихъ. Взоръ его сіялъ величіемъ и радостью. Ѳеодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли всѣ чиновники великаго града. Посадникъ сталъ на колѣни и вручилъ князю серебряные ключи отъ вратъ новгородскихъ, тысяцкіе переломили свои жезлы и старосты пяти новгородскихъ концовъ положили сѣкиры къ ногамъ Іоанновымъ. Слезы лились изъ очей Ѳеодосія. «Государь Новгорода!» сказалъ онъ, и всѣ московскіе бояре радостно воскликнули: «Да здравствуетъ великій князь всея Россіи и Новгорода!..» — «Государь! — продолжалъ старецъ,—судьба наша въ твоихъ рукахъ. Отнынѣ воля самовластителя будетъ для насъ единственнымъ закономъ. Если мы, рожденные подъ иными уставами, кажемся тебѣ виновными, да падутъ наши головы! Всѣ чиновники, всѣ граждане виновны,

ибо всѣ любили свободу. Если простишь насъ, то будемъ вѣрными подданными, ибо русскія сердца не знаютъ измѣны, и клятва ихъ надежна. Твори, что угодно владыкѣ самодержавному!» Іоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Ѳеодосія. «Судъ мой есть правосудіе и милость!—вѣщалъ онъ.—Милость всѣмъ чиновникамъ и народу».—«Милость! Милость!» воскликнули бояре московскіе. «Милость! Милость!» радостно повторяло все войско. Казалось, что она ему была объявлена—столь добродушны русскіе! Одни новгородскіе чиновники стояли въ мрачномъ безмолвіи, потупивъ глаза въ землю. «Богъ судилъ меня съ новгородцами,—сказалъ Іоаннъ.—Кого наказалъ Онъ, того милую! Идите: да узнаетъ народъ, что Іоаннъ желаетъ быть отцомъ его!» Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, который, взявъ съ собою отрядъ воиновъ, занялъ московскія врата и принялъ начальство надъ градомъ; окрестныя селенія спѣшили доставить изобиліе его изнуреннымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣть Марѳу: она и дочь ея сидѣли въ теремѣ за рукодѣльемъ... «Не бойся Іоанновой мести,—сказали друзья,—онъ всѣхъ прощаетъ»...

Марѳа отвѣтствовала имъ гордою улыбкою, и въ это мгновеніе застучало оружіе въ домѣ ея. Входитъ Холмскій, ставитъ воиновъ у дверей и велитъ новгородскимъ боярамъ удалиться. Марѳа, не измѣняясь въ лицѣ, дружелюбно подала имъ руку и сказала: «Видите, что московскій князь уважаетъ Борецкую: онъ считаетъ ее опаснымъ врагомъ! Простите! Вамъ еще можно жить»... Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою; посадница молчала и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: «Марѳа! государь повѣритъ одному твоему слову»... —«Вотъ оно,— отвѣтствовала посадница:—пусть Іоаннъ велитъ мертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самого Новгорода!..» Князь, благородный сердцемъ, вышелъ, удивляясь ея великодушію. Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ; напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался колокольный звонъ во всѣхъ пяти концахъ, и народъ, всегда любопытный, забылъ на время судьбу Марѳы: онъ спѣшитъ навстрѣчу къ Іоанну, который въѣзжалъ въ

Новгородъ съ величіемъ и торжествомъ, подъ сѣнью хоругви отечества, среди многочисленныхъ легіоновъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечомъ въ рукѣ.

Марѳа, заключенная въ домѣ своемъ, услышала колокольный звонъ и громкія восклицанія: «Да здравствуетъ государь всея Россіи и Великаго Новгорода!..»— «Давно ли,—сказала она милой дочери, которая, положивъ голову на грудь ея, съ нѣжнымъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза,—давно ли этотъ народъ славилъ Марѳу и вольность! Теперь онъ увидитъ кровь мою и не покажетъ слезъ своихъ; иногда съ горестью будетъ вспоминать меня, но новыя происшествія скоро займутъ всю его душу, и только слабые хладные слѣды бытія моего останутся въ преданіяхъ суетнаго любопытства!.. И геройство пылаетъ огнемъ великихъ дѣлъ, жертвуетъ драгоцѣннымъ спокойствіемъ и всѣми милыми радостями жизни... Кому?—неблагодарнымъ! Я могла бы наслаждаться семейнымъ счастіемъ, удовольствіями доброй матери, богатствомъ, благотвореніемъ, всеобщею любовью, почтеніемъ людей и самою нѣжною горестью о великомъ отцѣ твоемъ, но я все принесла въ жертву свободѣ моего

народа, самую чувствительность женскаго сердца—и хотѣла ужасовъ войны,—самую нѣжность матери, и не могла плакать о смерти сыновъ своихъ!.. (Тутъ въ первый разъ глаза Мареы наполнились слезами раскаянія.) Прости мнѣ, твнь великодушнаго супруга! Движеніе это было послѣднимъ гласомъ женской слабости. Я клялась заступить твое мѣсто въ отечествѣ и, конечно, исполнила свою клятву, ибо московскій князь считаетъ меня достойной погибнуть вмѣстѣ съ новгородскою вольностью! Ты позавидовалъ бы моей долѣ, если бы еще дышалъ для отечества; самая неблагодарность народа возвысила бы въ глазахъ твоихъ цѣну великодушной жертвы: награда признательности умаляетъ ее. Теперь я спокойно ожидаю смерти. Знаю Іоанна, онъ знаетъ Марѳу и долженъ однимъ ударомъ сразить гордость новгородскую: кто дерзнетъ возстать противъ монарха, который наказалъ Берецкую?.. Герои древности, побѣждаемые силой и счастіемъ, лишали себя жизни; безстрашные боялись казни: я не боюсь ея. Небо должно располагать жизнью и смертью людей: человѣкъ воленъ только въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ».

Ксенія слушала мать свою и понимала слова ея.

Предъ храмомъ Софійскимъ Іоаннъ сошелъ съ коня; Ѳеофилъ и духовенство встрѣтили его съ крестами. Великій государь принесъ жертву моленія и благодарности Всевышнему. Всѣ славные московскіе воеводы, преклонивъ колѣни, слезами изъявили свою радость. Іоаннъ въ домѣ Ярослава угостилъ роскошною трапезою знатнѣйшихъ новгородскихъ бояръ и державною рукою своею сыпалъ золото на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые искренно и добросердечно славили его благотворительность. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій государь русскій побѣдилъ русскихъ: любовь отца-монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя стражи явились на стогнахъ и повелѣли гражданамъ удалиться, но любопытные украдкою выходили изъ домовъ и видѣли въ глубокую полночь Іоанна и Холмскаго, идущихъ въ тишинѣ къ Софійскому храму: два воина освѣщали ихъ путь факеломъ; остановились въ оградѣ, и великій князь наклонился на могилу юнаго Мирослава; казалось, что онъ изъявилъ горесть и съ жаромъ упрекалъ

Холмскаго смертію этого храбраго витязя... Новгородцы вспоминали тогда, что государь щитомъ своимъ отразилъ мечъ оруженосца, хотѣвшаго умертвить Мирослава; удивлялись и никогда не могли свѣдать тайны Іоаннова благоволенія къ юношѣ. Любопытные приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой площади, слышали стукъ сѣкиръ, и высокій эшафотъ явился предъ домомъ Ярослава. Новгородцы думали, что Іоаннъ нарушитъ слово, и что гнѣвъ его поразитъ всѣхъ именитыхъ гражданъ.

На разсвѣтѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ московскіе легіоны были въ движеніи, и Холмскій съ обнаженнымъ мечомъ скакалъ по стогнамъ. Народъ трепеталъ, но собирался на Великой площади узнать судьбу свою. Тамъ на эшафотѣ лежала сѣкира. Отъ конца Славянскаго до мѣста Вадимова стояли воины съ блестящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ, воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ упали желѣзные запоры, и врата Борецкихъ растворились: выходитъ Марѳа въ златой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Ѳеодосій несетъ предъ нею

образъ. Блѣдная, но твердая Ксенія ведетъ ее за руку. Ихъ окружаютъ мечи и копья. Не видно лица Марѳы, но такъ величаво ходила она всегда по стогнамъ, когда чиновники ожидали ее въ совѣтѣ или граждане —на вѣчѣ. Народъ и воины соблюдали мертвое безмолвіе; царствовала ужасная тишина. Посадница остановилась предъ домомъ Ярослава. Ѳеодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнять дочь свою, но Ксенія упала; Марѳа положила руку на сердце ея, знакомъ изъявила удовольствіе и спѣшила на высокій эшафотъ; сорвала покрывало съ своей головы; казалась темною, но спокойною; съ любопытствомъ посмотрѣла на лобное мѣсто, гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ, взглянула на мрачное, покрытое облаками небо, съ величественнымъ унынiемъ опустила взоръ свой на гражданъ, приблизилась къ орудію смерти и громко сказала народу: «Подданные Іоанна! умираю гражданкою новгородскою!..» Не стало Марѳы... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло посадницы одѣли чернымъ покровомъ... Ударили въ бубны, и Холмскій,

держа въ рукѣ хартію, сталъ на бывшемъ Вадимовомъ мѣстѣ. Бубны умолкли.... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ своей головы и читалъ громогласно слѣдующее:

«Слава правосудію государя! Такъ гибнутъ виновники мятежа и кровопролитія! Народъ и бояре! не ужасайтесь: Іоаннъ не нарушитъ слова; на васъ милующая десница его. Кровь Борецкой примиряетъ вражду единоплеменныхъ; одна жертва, необходимая для нашего спокойствія, навѣки утверждаетъ неразрывный союзъ. Отнынѣ предадимъ забвенію всѣ минувшія бѣдствія; отнынѣ вся земля русская будетъ вашимъ отечествомъ, а великій государь—отцомъ и главою. Народъ! не вольность, часто гибельная, но «благоустройство, правосудіе и безопасность» суть три столпа гражданскаго счастія. Іоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицомъ Всемогущаго Бога»...

Тутъ московскій князь явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова дома, безоруженъ и съ открытою главою; онъ взиралъ на граждань съ любовью и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе:

«Обѣщаетъ Россіи славу и благоденствіе, клянется своимъ и всѣхъ его преем-

нимъ именемъ, что польза народная во-вѣки вѣковъ будетъ любезна и священна самодержцамъ россійскимъ — или, да накажетъ Богъ клятвопреступника, да исчезнетъ родъ его, и новое Небомъ благословенное поколѣніе да властвуетъ на тронѣ къ счастію людей!»[1])

Холмскій надѣлъ шлемъ. Княжескіе легіоны взывали: «Слава и долголѣтіе Іоанну!» Народъ еще безмолвствовалъ. Заиграли на трубахъ, и высокій эшафотъ разрушился въ одно мгновеніе. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя Іоанново, и граждане, наконецъ, воскликнули: «Слава государю россійскому!»

Старецъ Ѳсодосій снова удалился въ пустыню и тамъ, на берегу великаго озера Ильменя, погребъ тѣла Марѳы и Ксеніи. Чужеземные гости вырыли для нихъ могилу, и мы на гробѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ донынѣ остается тайною. Изъ семисотъ нѣмецкихъ гражданъ только пятьдесятъ человѣкъ пережили осаду новгородскую; они немедленно удалились въ свои земли. Вѣчевой колоколъ былъ снятъ съ

---

[1]) Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благословенная фамилія Романовыхъ царствуетъ.

древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестью и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего.

Конецъ.

INTENTIONAL SECOND EXPOSURE

древней башни и отвезенъ въ Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граждане далеко провожали его. Они шли за нимъ съ безмолвною горестью и слезами, какъ нѣжныя дѣти за гробомъ отца своего.

Конецъ.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

ДЛЯ НАРОДНАГО ТЕАТРА.

СЕМЕНОВЪ, С. Т. Для народнаго театра. Четыре пьесы изъ деревенской жизни: „Женихъ-москвичъ“, „Порченый“, „Чужой коровай“, „Раздоръ“. (Комедіи и сцены.) 216 стр. Ц. **20** к.

ЕГО ЖЕ. Раздоръ. Деревенскія сцены. 90 стр. Ц. **10** к.

УРУСОВЪ, Л. Г. Князь Серебряный. Историческая драма въ 5 дѣйств. и 8 карт. съ эпилогомъ. Ц. **40** к.

ЕГО ЖЕ. Крестьянка. (Съ плахи подъ вѣнецъ). Быль въ 5 дѣйств. Цѣна **25** к.

ЕГО ЖЕ. Рыбаки. Драматическая сцена въ 5 дѣйств. Ц. **25** к.

ЕГО ЖЕ. Страшная месть. Волшебное представленіе въ 5 дѣйств. и 8 картинахъ, кромѣ пролога и эпилога. Ц. **15** к.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ Т-ва И. Д. СЫТИНА:

въ Москвѣ: 1) Ильинскія вор., д. Титова; 2) Никольская, д. Заиконоспасск. мон.; 3) Никольская, д. гр. Орлова-Давыдова; 4) Тверская, д. № 48 Т-ва И. Д. Сытина.

Въ Петербургѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Воронежѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Кіевѣ, Иркутскѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

DAMAGED PAGE(S)

КАЛЕНДАРИ

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Настольные:

ВСЕОБЩІЙ РУССКІЙ.
Съ преміей 25 к.
Безъ преміи 15 и 10 к.

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ.
30 к.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛЪ.
60 к.

КІЕВСКІЙ.
20 к.

НАРОДНЫЙ РУССКІЙ.
20 к.

СОВРЕМЕННЫЙ.
20 к.

КАРМАННЫЙ.
10 и 5 к.

Отрывные:

БОЛЬШОЙ ФОРМАТЪ.
30 и 40 к.

МАЛЫЙ ФОРМАТЪ.
25 и 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ.
25 к.

УЧИТЕЛЬСКІЙ.
25 к.

КОНТОРСКІЙ.
75 к.

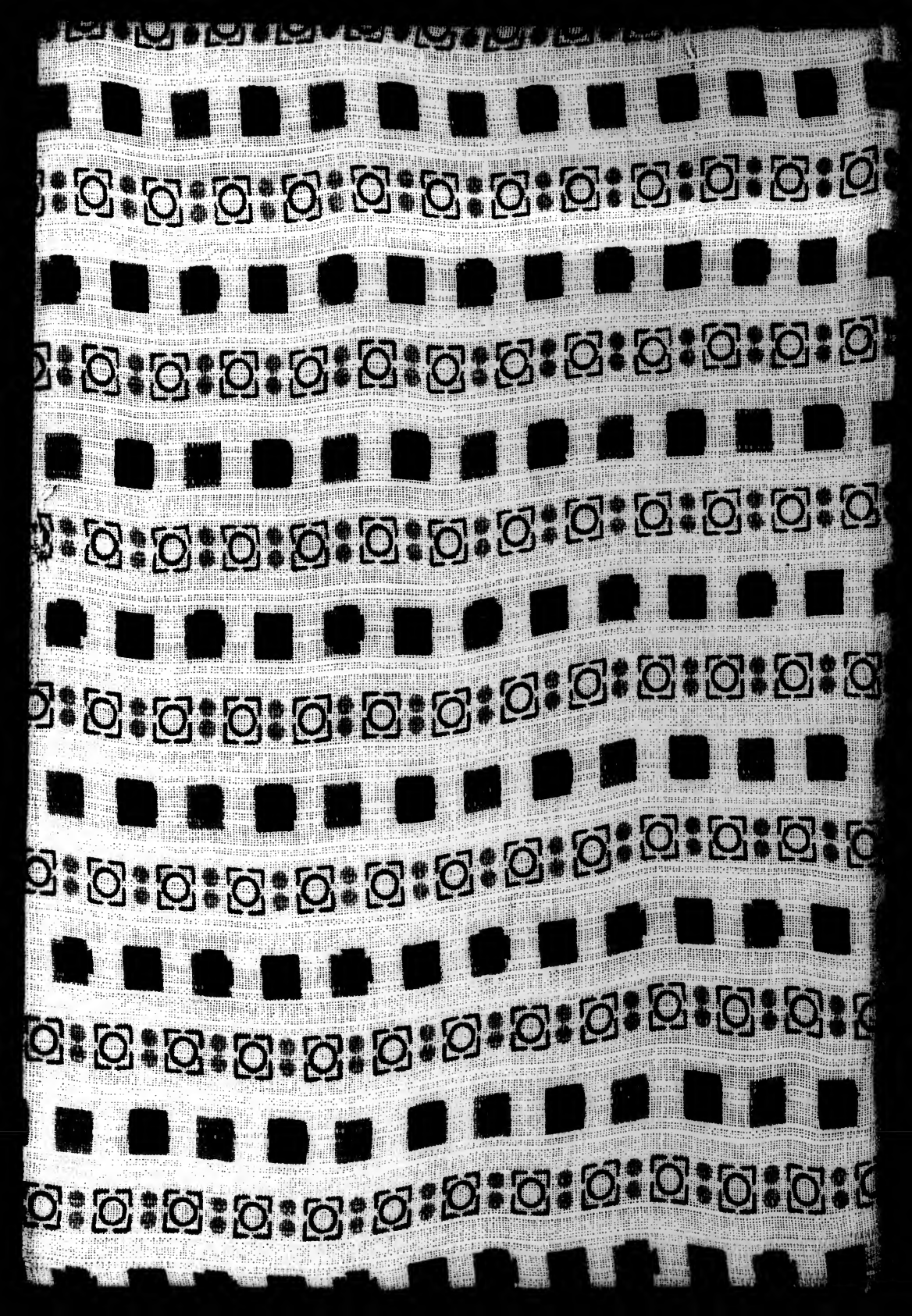
ДѢТСКІЙ. кл. ЛУКАШЕВИЧЪ.
50 к.

ДАМСКІЙ.
Разныхъ цѣнъ.

УЧЕНИЧЕСКІЙ.
Разныхъ цѣнъ.

Книжные магазины Т-ва:

Москва: 1) Ильинскія вор., д. Титова. 2) Никольская, д. Законоспасск. м. 3) Никольская, д. гр. Орлова-Давыд. 4) Тверская, д. 48, Т-ва И. Д. Сытина.
С.-Петербургъ: 1) Б. Садовая, д. 25. 2) Невскій, 68, уг. Аничкова моста.
Варшава, Краковское предмѣстье, д. 1.
Кіевъ, Подолъ, Гостиный дворъ.
Воронежъ, Московская улица.
Ростовъ-на-Дону. Садовая, д. Аграева, 92.
Одесса, Преображенская, д. 58.
Екатеринбургъ, Покровскій просп., д. Ермолаева.
Харьковъ, Торговая пл., д. Мѣщ. О-ва.
Иркутскъ, Большая ул., д. Никитина.
Нижегородская ярмарка, на Шоссе.
Софія (Болгарія). Русск. книжн. магаз.

W381.5917B-K143m

W117109